

[Polaris]

Василий Аксенов

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Факсимильное
издание

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCIX

Salamandra P.V.V.

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

СУНДУЧОК, В КОТОРОМ
ЧТО-ТО СТУЧИТ

Журнальный вариант
Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Аксенов В. П.

Сундучок, в котором что-то стучит: Современная сказка без волшебства, но с приключениями. Илл. М. Беломлинского. – (Журнальный вариант. Факсимильное изд.). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 60 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССIX).

Настоящее факсимильное издание представляет приключенческо-фантастическую повесть В. Аксенова «Сундучок, в котором что-то стучит», авантюрное повествование, весело обыгрывающее штампы советской массовой культуры. Повесть представлена в журнальном варианте в сопровождении оригинальных иллюстраций – то есть именно в том виде, в каком она впервые увидела свет в 1975 г. на страницах журнала «Костер».

СУНДУЧОК, В КОТОРОМ
ЧТО-ТО СТУЧИТ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

В КОТОРОЙ
РАССКАЗЫВАЕТСЯ
О НАЧАЛЕ
ВСЕЙ ИСТОРИИ

В тот вечер в квартире Стратофонтовых на улице Рубинштейна все было как обычно. Тикали часы, полыхал эстрадой телевизор, тлел камин, пощелкивал паровое отопление, жужжали полотер, пылесос, кофемолка, плотоядно урчала стиральная машина, но... но дух приключений уже бродил влажной волной по квартире, и все это чувствовали и волновались. Папа Эдуард, не отдавая себе отчета, почил ледорубом и смазывал, мама Элла, не отдавая себе отчета, проверяла кислородную маску для высотных затяжных прыжков, бабушка Мария Спиридоновна, не отдавая себе отчета, месила тяжелыми руками творожную массу и глухо напевала: «На земле не успеешь жениться, а на небе жены не найдешь».

Продолжение повести «Мой дедушка — памятник», печатавшейся в «Костре» №№ 7, 8, 9, 1970 г.

Один лишь Гена, отдавая себе полный отчет в происходящем, строго сидел у приемника в наушниках и с рукой на ключе. Он чувствовал, он почти точно знал, что сегодня что-то произойдет, ибо интуиция никогда или почти никогда не обманывала тренированного пионера.

И впрямь... близко к полуночи из бесконечных эфирных струй выплыл странный-престранный сигнал, адресованный вроде бы ему, Геннадию Стратофонтову, но похожий в то же время на размытую морем записку. Но самое главное — там был сигнал «О!».

В полночь собрались все под медной лампой. Завернув на огонек и друг дома капитан дальнего плавания Николай Рикошетников. Последние несколько месяцев капитан провел на суще, работая над кандидатской диссертацией «Некоторые особенности кораблевождения в условиях длительных научно-исследовательских экспедиций на судах типа «Алеша Попович». Работа шла споро, и диссертация, как уверяли знатоки, получалась блестящая, но в свободное время капитан не находил себе места. «Попович» под командой приятеля Рикошетникова опытного штурмана Олега Олеговича Копецкого блуждал эти месяцы среди полинезийских архипелагов.

Итак, капитан Рикошетников забрел на огонек к Стратофонтовым и тоже оказался у истоков тайны.

На круглом столе под медной люстрой, переделанной из корабельного кормового фонаря прошлого века, лежал лист ватмана, на который Гена нанес фломастером обрывочные слова в том порядке, в каком выловил их из эфира его радиоприемник. Лист выглядел так.

СТРА 19 УНДУЧОК ОРОМ
ЧТО-ТО УЧИТ АФИЯ ОТН
РИНИН КАНАЛ ПАМЯТЬ НЕ ИЗМЕНЯЕТ
БУРГ ІРЕ БВА ОЛОТЫ РЫЛЬЯ
ФОГЕЛЬ ПОВТОРЯЮ ФОГЕЛЬ
БЕСКОНЕЧНО СПАСИТЕ КУНСТ

При виде такого послания читателю, конечно, будет нетрудно вообразить себя в каютах компании славной яхты «Дункан», в обществе незабываемых лорда Гленарвана, майора Мак-Набса и капитана Джона Манглса.

— Сегодня было очень много грозовых помех, — сказал Гена, — и сигнал очень слабый... очень далекий сигнал. Даю голову на отсечение, но эта станция впервые появилась на частотах коротковолнников.

— То есть как это «голову на отсечение»? — забеспокоилась бабушка Мария Спиридоновна.

— Ах, мама! — досадливо воскликнула мама Элла. — Это фигулярное выражение. Го-

воря «голову на отсечение», никто не думает об отсечении головы.

— Всё-таки слишком сильное выражение, — вздохнула бабушка и погладила Гену по голове.

— Какие будут предложения, Генаша? — нетерпеливо спросил пapa Эдуард. — Ждать невыносимо. Надо действовать! Но как? В каком направлении?

— Я предлагаю каждому из присутствующих дополнить, дописать эту загадочную радиограмму, — предложил Рикошетников. — В дальнем мы все вместе попытаемся суммировать и отобразить плоды нашего воображения. Очень часто истина скрывается в самых нелепых наших домыслах. Начните вы, друзья, — Эдуард.

— Охотно! — воскликнул пapa Эдуард, скромный почтовый работник и знаменитый альпинист. — Я бы представил себе текст радиограммы так: «Стратофонтым. На высоте 6 719 метров в северо-западном районе горной системы Гиндукуш на восточном склоне пика Аббас, где в прошлом году потерпела неудачу экспедиция Хиллари, в пещере над отрицательным уклоном в 18° скрыт сундучок, в котором что-то стучит...»

— Делеко вы ушли, друзья, — Эдуард, — улыбнулся капитан Рикошетников и повернулся к маме Элле. — А вы попробуйте, друзья, Элла!

— У меня будет короче, чем у Эдьки, — энергично сказала мама Элла — скромный библиотекарь и чемпион по затяжным прыжкам — и придвинула к себе ватман. «Стратофонтым. Необходимы самолеты и парашютисты для высадки на скалистом острове Лилуока 19° широты и 19° долготы, где находится сундучок, в котором что-то стучит...»

— По-моему, это ближе к истине, — торопливо вставила бабушка. — Самолеты — это ближе к истине.

— А как вы начали, друзья Николай? — обратился Гена к своему старому другу.

Рикошетников с улыбкой произнес, глядя на ватман:

— Я бы начал так. «Стратофонтым для Рикошетникова с борта экспедиционного судна «Алеша Попович».

Срочно вылетай на Танти и не забудь с собой сундучок, в котором что-то стучит. Тот самый сундучок, в котором коньячок...»

— Бойся, что все это не очень серьезно, друзья, — сказал Гена своим родителям и своему капитану. — Вы выдаете желаемое за действительность, а на деле мы не продвинулись вперед ни на дюйм...

— Ошибаетесь, дружище Геннадий, — сказал Рикошетников. — Неужели вы не заметили, что у всех у нас троих «сундучок-отором-что-то-учит» непроизвольно превратилось в «сундучок, в котором что-то стучит»?

— Потрясающе!!! — воскликнула пораженная компания. — А вдруг здесь и скрыт ключ к тайне?

— Хи-хи, — послышалось из затемненного угла гостиной, из глубокого кожаного кресла. — А вдруг это — «бурундучок под забором что-то бурчит»?

— Наташка! Как ты сюда попала? — вскричал Геннадий.

В глубоком кожаном кресле, позевывая дивным ртом, сидела не кто иная, как Наташа Вертопрахова. Впрочем, это могла также быть не кто иная, как Даша Вертопрахова, близнец Наташи.

— Я Даша, — сказал близнец. — Наташка послала меня к тебе списать задачи по геометрии, а я как села в это кресло, так и заснула. Тренировки, друзья мои, выматывают все си-

лы. Тебе не нужно этого объяснять, дружище Геннадий.

Следует сказать, что взаимовлияние близнецом еще не до конца оценено современной наукой. Вот сестры Даши и Наташа, едва познакомившись друг с другом на Эмпирейских островах, тут же передали друг другу, с одной стороны, любовь к художественной гимнастике, с другой — презрение к лже-аристократии. Даши, бывшая Доллис, кроме того, тут же усвоила от Наташи манеру слегка подтрунивать над Геннадием Стратофонтовым.

— Держу пари, что ты, Дашика, опять взбралась к нам в гостиную по стене и через окно, — нахмурился Гена.

— Странно, что ты, дружище сынок, до сих пор не освоил этого пути, — укоризненно сказала папа Эдуард. — Отстаешь от своих сверстников.

Удивительной силы реакция была ответом на добродушный отцовский упрек. Мальчик вскочил со своего места, пылая лицом, как красный светофор.

— Дружище отец! — воскликнул он с дрожью почти юношеского негодования в голосе, схватил со стола ватман, одним прыжком взлетел на подоконник и исчез в окне.

Когда родственники подбежали к окну, Гена уже заворачивал за угол, независимо помахивая рулоном.

— Вполне профессиональный прыжок, — одобрила мама Элла.

— Почему он так вскапел, дружище жена? — полюбопытствовал папа Эдуард.

— Другого я и не ожидала, — строго глядя в сторону, сказала Мария Спиридовна. — Достойный ответ на неосторожную шутку.

— Переходный возраст, — резюмировала Даши, и на этом спор закончился.

...В глубоком раздумье бродил Стратофонтов Геннадий по пустынным улицам острова Крестовский. Разумеется, он не заставил своих родителей волноваться, а из первого же телефона-автомата позвонил домой и предупредил домашних, что не скоро вернется. У домашних, надо сказать, хватило такта не задавать лишних вопросов. Особенностью маленькой, но дружной семьи было чувство такта, всеобъемлющее чувство, которое украсило бы любой коллектива.

Геннадий, честно говоря, и сам не понимал причин столь яркой эмоциональной вспышки и последующего прыжка из бельтажа на панель. Ведь ясно же и слепому, и глухому, и глупому, что вовсе не стремление продемонстрировать Дашике Вертопраховой свою профессиональную паraphютную подготовку толкнуло мальчика на подоконник. Ясно, что и не обида на доброго друга папу и его милый юмор толкнули Гену на подоконник.

«Должно быть, это шуточки переходного возраста», — с тревогой подумал было пионер, но

тут же отбросил эту банальную мысль. Другое занимало его ум в часы блуждания по острову Крестовский. Лист ватмана, который держал он в руке. Тайна, припльвшая на берега Невы из просторов мирового океана. Обрывки тайны, как единичные галеоны Великой Армады, которую разметал спасительный для Британии ураган. Единичные галеоны «ундучок», «кором», «кафия», «ринин», скрепя разболтанными реями, мохнатясь обрывками парусов, вползали в крохотную бухточку гребного клуба «Динамо». Впрочем, даже не сама тайна, не тайна как самоцель, волновала ленинградского пионера. Отчелывый призыв «спасите» — вот что волновало его. Стремление немедленно идти на помощь любому, кто в его помощи нуждается, было развито у мальчика до степени инстинкта. Помочь! Спасти! Немедленно! Вперед! Без страха! Без упрека!

Кто же сквозь тысячи километров над материками и облачными полями послал ему сюда в Ленинград призыв о помощи? Кто и почему именно ему? Друзья-патриоты с Больших Эмпиреев? Однако по недавним сообщениям газет обстановка на архипелаге сейчас вполне спокойная и независимость малой нации развивается на достойных демократических началах. К тому же эмпиреи сейчас стали не так уж наивны: они не могут предполагать, что ленинградский школьник в горячие весенние днечки бросит все свои дела и примчится в Южное полушарие.

— Мафия. География. Мафия. География, — бормотал Гена, приближаясь к воротам Приморского парка Победы, глядя на пышные кусты сирени, тревожно кипящие под порывами балтийского ветра.

— Мафия и География, — вдруг громко произнес он и остановился в задумчивости.

— Афия! — вскричал он. — Ведь это слово есть в радиограмме! Галеон «Афия»! Быть может, в радиограмме есть призыв к спасению от присков мафии? Эврика! Эврика!

— Простите, вы что-то нашли? — спросил неподалеку вежливый молодой голос.

Геннадий обернулся и увидел юношу в кожаной курточке и в странных брюках с подобием крыльев на бедрах. Сначала он удивился, почему у этого юноши такие странные брюки и почему такой молодой голос, а потом, приглядевшись, увидел, что это вовсе не юноша, а старик. Да, это именно старик обратился к нему в легком сумраке белой ночи, но у этого старика была юношеская фигура и поблескивающие юношеским любопытством глаза. Это был поистине старик-юноша: вот к какому выводу пришел Геннадий.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился Геннадий. — Кажется, вас удивил мой возглас «эврика»?

— Признаться, удивил, — улыбнулся юноша-старик, или вернее старик-юноша.

Он стоял возле низкого сарайчика, сбитого из листов жести, похожего на импровизированные гаражи, которые мы часто можем видеть

на задачах жилых кварталов, но несравненно более широкого, чем это требовалось для обыкновенного автомобиля. В руках у старика был ключ, похожий на большой древний ключ от города Костромы, который когда-то Геннадий видел по телевидению. Геннадий приблизился. Что-то в лице старика, в выражении его глаз располагало к откровенности, и мальчик тихо сказал:

— Видите ли, мне показалось, что я нашу-
пал ключ к тайне.

— Ах вот как! — воскликнул старик. — В таком случае мне остается вас только поздравить!

Они, улыбаясь, смотрели друг на друга и чувствовали нарастающую симпатию друг к другу. Так бывает иногда: люди родственного духа угадывают друг друга, и только смущение мешает им сразу же сблизиться. Гене очень хотелось рассказать старику свою тайну, но он смущался. Старику хотелось чрезвычайно эту тайну узнать, принять в ней участие, вникнуть, помочь, но и он смущался. Все же он решился поспутать для разведки.

— У вас ключ от тайны, а у меня всего лишь от этого ангара, — и он показал Геннадию средневековый ключ и кивнул на сооружение из жестя.

— От ангара? — удивился Гена.

— Так точно, — подтвердил старик. — Перед вами самолетный ангар. Хотите взглянуть?

Он вставил ключ прямо в дверь и повернул. Послышались первые такты старинной песни «Взойтесь, соколы, орлами», и дверь открылась. Старик включил свет, и Гена увидел в ангаре аэроплан. Именно аэроплан, а не самолет, и даже не аэроплан, а летательный аппарат, как говорили в России на заре авиации.

— Как?! — вскричал мальчик, бросился было к аэроплану, но тут вмешались воспитание и врожденное чувство такта. Он сдержал свой порыв и представился.

— Простите, мы не знакомы. Мое имя Страстофонтов Геннадий.

— Как?! — вскричал при этом имени старики. — Уж не брат ли вы Митеньки Стратофонта, с которым мы в Ораниенбауме в пятнадцатом году экспериментировали буксировку планера?

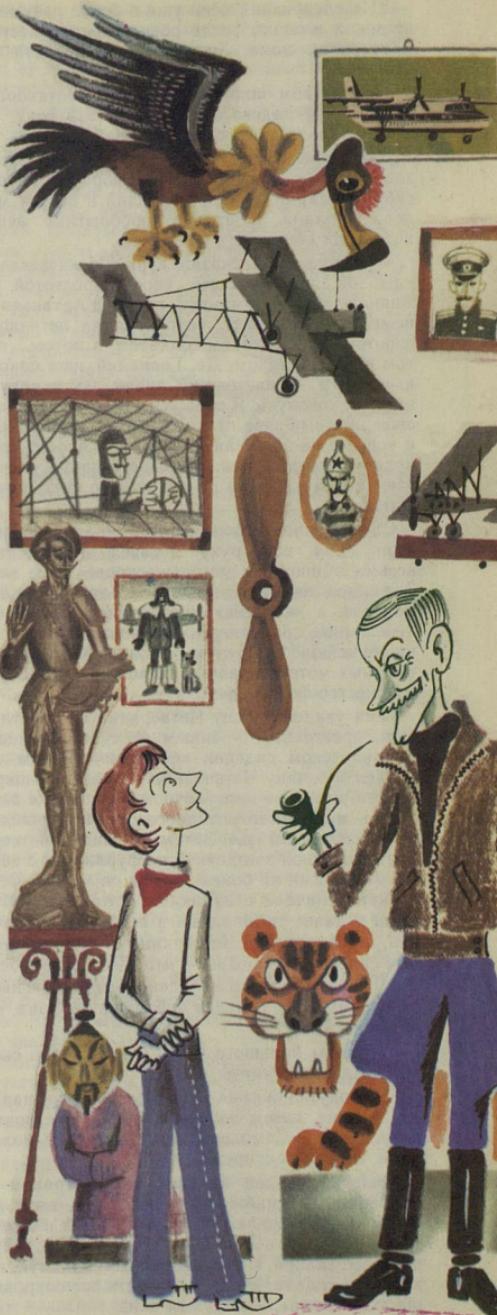
— Я его внучатый племянник, — сказал Гена.

— Как?! Каков сюрприз! Подумать только! — старики разразился было целым рядом восклицательных знаков, но врожденное и приобретенное джентльменство, однако, взяло верх, и он представился Геннадию, старомодно щелкнув каблуками и склонив голову энергичным кивком.

— Четверкин Юрий Игнатьевич!

— Как? — вскричал Гена. — Подумать только! Я полагал, что Юрий Четверкин — это достояние истории!

— Да, я достояние истории авиации, — просто сказал старики.

...На следующий день уже в более разумное время, а именно, после обеда, Гена навестил Четверкина дома. Хозяин встретил гостя на крыльце.

— Этот дом закреплен за мной постановлением Петроградского Совета в 1918 году, — пояснил он и пропустил мальчика вперед.

Два тигра, изготавлившихся к прыжку, бронзовая статуя Дон-Кихота, фарфоровый китайский мандарин, кондор, несущий в когтях модель биплана, и прочие любопытные вещи встретили Гену еще в прихожей.

— Я чудак, — сказал Юрий Игнатьевич с улыбкой, подкупавшей своей простотой. — Вначале я был романтиком, потом д'Артаньян и немного авантюристом, потом я стал летчиком, а потом уже летчиком-солдатом, а потом... потом я стал чудаком. Да, Геннадий, ваш покорный слуга — настоящий чудак, но я ничуть этого не стыжусь. Я горжусь тем, что доживаю свои дни в образе старого чудака, а впрочем, я вовсе и не доживаю свои дни, я просто себе чудачу свои дни, как и раньше чудачил, и считаю, монсеньор, что на чудачестве свет стоит. Извините...

Слегка взволнованный этой тирадой старик взял Гену под руку и ввел в комнату, весьма обширную комнату, скорее даже зал. Здесь под лепным потолком висели модели самолетов, а на стенах красовались старинные деревянные пропеллеры. Здесь по углам, словно ценнейшие скульптуры, стояли детали авиационных моторов разных времен, и здесь было множество фотографий.

Гена увидел юношу Четверкина со счастливым, просто захмуренным от счастья лицом на пилотском сидении «Фармана». Затем он увидел мужчину Четверкина в форме офицера старой армии на прогулочном балкончике первого в мире многомоторного бомбардировщика «Русский витязь». Затем он увидел Четверкина с красной звездочкой на фуражке и с двумя маузерами на боках. Потом он увидел Четверкина сначала с кубиками, потом с ромбиками и далее со шпальами в петлицах и, наконец, пожилого уже Четверкина в простом черном свитере. «Анадырь — мыс Дежнева — остров Врангеля» было написано чем-то красным по синему фону и мелко добавлено: «Юрка, не забывай!»

— Этапы большого пути, — смущенно сказал хозяин квартиры.

Повсюду на снимках были самолеты. Сначала древние, потом пожилые, потом уже почти современные. Самолеты на снимках все молодели, а человек старел.

Мальчик увидел на фотоснимках рядом с Четверкиным множество знакомых ему по истории авиации людей — здесь были и Уточкин, и Ефимов, и Васильев, и Сикорский, и Туполев, и Чкалов, и Водопьянов... «Пожалуй, не хватит и недели, чтобы осмотреть все сокровища этого дома», — подумал Гена.

Четверкин сделал несколько нервных шагов по потрескивающему паркету, снял со стены огромную трубку, на чубуке которой была изображена старая Голландия, и затянулся. Трубка тут же задымила, как будто в ней телевечный уголок из доколумбовой Америки. Как следует откашлявшись, Четверкин вынырнул

из дыма уже другим — молодым и лукавым со своими детскими глазами-любопытствами.

— Вы знаете, дружище Гена... — старик сразу и охотно перенял манеру обращения, принятую в стратофонтовском семействе. — Вы знаете, дружище мой мальчик, я весь остаток ночи просидел над радиограммой, о которой вы вчера рассказали, и пришел к некоторым, да-да, выводам!

Юрий Игнатьевич раскатал на шатком изящном столике лист ватмана и укрепил его по углам четырьмя тяжелыми предметами: поршнем мотора «сопвич», статуэткой лукавого лесного

божества Пана, револьвером «Смит и Вессон» выпуска 1909 года и старинной кожаной калошой с хромированными застежками, то есть тем, что оказалось в эту минуту у него случайно под рукой.

— Во-первых, мне кажется, я почти убежден, что радиограмму послал чудак, — начал Юрий Игнатьевич. — Есть некоторые почти неуловимые флюиды, дружище Гена, по которым все, принадлежащие к племени чудаков, узнают друг друга. Во-вторых, это, безусловно, пожилой человек. Об этом свидетельствует уцелевшее в тексте придаточное предложение «если память не изменяется». Так выразиться, согласитесь, мог только пожилой человек старой формации. Человек новой формации сказал бы вместо этого что-нибудь вроде «почти уверен» или «уверен на 90 процентов». И, в-третьих, дорогой дружище Геннадий, я почти убежден, что истоки тайны не удалены от нас за тридевять земель, а находятся совсем поблизости, в центре любимого города... или нашего любимого «бурга», что по-немецки и означает город. «Бург» — вы видите это слово на вашем ватмане. Может быть, это кончик Петербурга, дружище пионер? Стоп, стоп, предвижу ваши возражения. Существуют Эдинбург, Иоганнесбург, Питсбург и еще добрая тысяча бургов. Да, это так, но вряд ли в каком-нибудь из этой тысячи городов есть Екатерининский канал. Терпение, дружище юный моряк. Вы хотите сказать — при чем здесь Екатерининский канал и что такое Екатерининский канал? «Ринн», Гена, именно этот загадочный, как птица «калконоса», «ринн», соседствующий со словом «канал» и образует Екатерининский канал, который ныне именуется, совершенно справедливо, каналом Грибоедова.

Вижу, дружище Стратофонтов, отлично вижу искры, летящие из ваших глаз, но вы же сами предложили мне отпустить все тормоза и предоставить волю своему воображению. Ведь я допускаю существование «сундучка», в противовес «бурундучку», и «мафии», независимо от «географии». Позвольте же мне предложить вам небольшую экскурсию на канал памяти замечательного русского сатирика, одного из тех людей, которые пробили брешь в культурной изоляции отсталой царской России. Камон, олд феллоу!

Через несколько минут Четверкин и Стратофонтов уже катили на скрипучем, но вполне надежном велосипеде-тандеме по улицам Крестовского острова.

Старый пилот сидел впереди и управлял рулем, похожим на рога высокогорного животного яка.

Справедливости ради следует сказать, что за всю свою долгую жизнь у старика не было лучшего партнера по тандему, чем сегодняшний. Юрий Игнатьевич не уставал удивляться силе ножных мышц этого еще не совсем созревшего организма. Тандем летел вдоль обочины тротуара, оставляя за собой не только велосипеды, но и многие мотоци-

зованные средства транспорта, включая быстроходные «Запорожцы». Иногда к усилиям четырех ног присоединялся и маленький моторчик от пылесоса «Вихрь», который Четверкин приспособил к тандему еще лет десять назад. Возле светофоров седоки спешивались и продолжали свой разговор.

— Однако почему среди русского текста мелькают немецкие слова? — недоумевал Гена.

— На заре моей туманной юности в Петербурге жило очень много немцев, — говорил Юрий Игнатьевич. — Вообразите, дружище Гена, судьба забросила одного из таких петербургских немцев куда-нибудь в Полинезию. Вы сами путешествовали и знаете, какие штучки иной раз выкидывает судьба. Вообразите, старый чудак несколько десятилетий жил среди полинезийцев и вот на закате жизни ему пришла нужда послать в город своей юности призыв о помощи. Естественно, что за эти долгие годы кое-что перемешалось в его голове, перемешались немецкие и русские слова и... воображаете?

— Конечно, воображаю, — чуть-чуть постукивая зубами от воображения, говорил Гена. — Но почему же, почему этот несчастный старый человек обратился именно ко мне? Откуда он узнал мои позывные?

— А вы вообразите...

Красный свет переключался на желтый, и Четверкин не заканчивал фразы.

— Приемистый старикан, — улыбались инспектора ОРУДа, глядя, как устремлялся вперед самокатный экипаж.

Через двадцать четыре минуты они подъехали к Казанскому собору и встали в узкой полосе тени, отбрасываемой памятником фельдмаршала Барклая-де-Толли.

— Дружище Геннадий, вы не обидитесь, если я зажму вам глаза вот этим чистым носовым платком? — спросил Четверкин.

— Пожалуйста, пожалуйста, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена, подставляя свои закрытые глаза под носовой платок с вензелями Санкт-Петербургского яхт-клуба. Он произнес это небрежно, легко — вам нужны, мол, мои глаза? Пожалуйста! — но на самом деле сердце пионера стучало как африканский тамтам в период разлива Замбези. Что будет? Какой сюрприз приготовил Четверкин? В том, что авиатор слегка лукавит, не было никакого сомнения.

Когда Гена открыл глаза, а это произошло спустя не более трех минут после закрытия оных, перед ним горели на солнце золотые крылья четырех мраморных львов!

— Іре ѹва олоты рылья! — вскричал потрясенный додгадкой мальчик.

— Четыре льва с золотыми крыльями! — торжествующе сказал старик. — Вы на набережной Екатерининского канала, дружище Геннадий!

— Но как же вы пришли к такому блестяще умозаключению? — спрятавшись с первым волнением, спросил Гена.

— Сначала было непросто, — скромно ответил Четверкин. — Полночь мысль плутала по лабиринтам чистого разума, дружище юный друг, но потом я вспомнил один дом, где когда-то, лет тридцать пять или сорок назад, я видел сундучок, в котором что-то стучит.

— Где же этот дом, Юрий Игнатьевич? — осторожно, как бы боясь спугнуть своим дыханием ультрамариновую бабочку тайны, спросил Гена.

— Вот он, — просто сказал авиатор и махнул своей дряхлой перчаткой «шевро» в сторону серого невыразительного дома, который стоял от Львиного мостика в десяти шагах.

Глава II,

В КОТОРОЙ
ЗВЕНИТ
РАДИАЛЬНАЯ
ПРУЖИНА
„ЗАН-ТАР“

Однажды на заре тридцатых годов авиатор Четверкин вернулся в Ленинград из экспериментальных полетов над пустыней Гоби и вознамерился... Сейчас уже трудно установить, что же вознамерился сделать Юрий Игнатьевич на заре тридцатых. То ли он хотел сконструировать мускулолет, то ли портативный быстронадувавшийся дирижабль для средних и мелких учреждений, то ли это было время реактивной на торфяном топливе гидроаэротелекки?.. Четверкин всегда был полон идей, и проекты различных технических новшеств нарождались в его голове беспрерывно, пожалуй, даже избыточно, пожалуй, они даже утомляли его. Короче говоря, ему была нужна «радиальная американская пружина «зантар», а достать в те дни такую простую вещь было чрезвычайно сложно.

Однажды в четверг после дождя перед ужином к дому на Крестовском подъехал мрачноватый молодой человек на роликовых коньках. Отрекомендовался он лаконично:

— Питирим Куук, гений.

Он извлек из своего рюкзака вожделенную пружину «зан-тар» и заломил за нее бешеную цену.

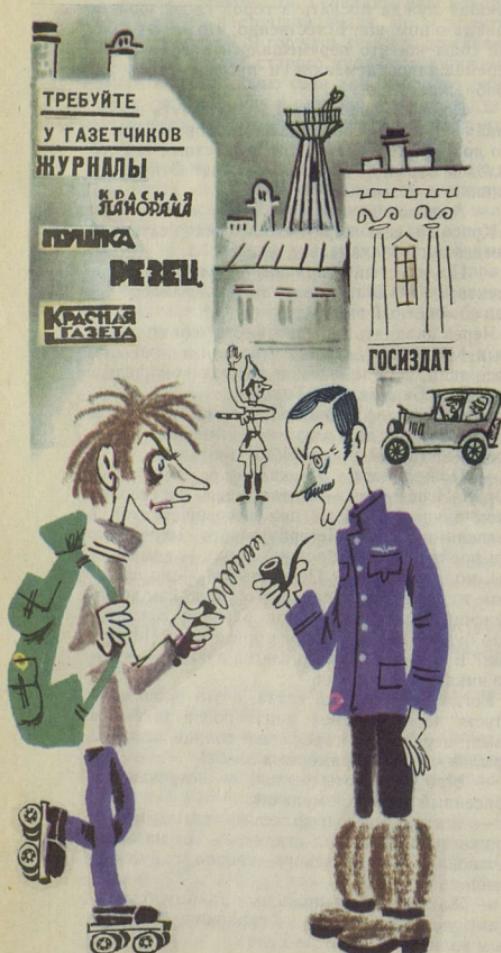
— Хотите — рублями платите, хотите — турниками или юанями, — сказал он Четверкину, а вожделенная пружина в его руке поблескивала под лучами закатного солнца.

— Позвольте, но все излишки иностранной валюты я сдал в Банк внешней торговли, — сдержанно возмущался пилот.

— Поторопились, — неприятно проскряжал Питирим Куук и протянул вперед левую руку с щелкывающими пальцами, а правую с пружиной «зан-тар» отвел назад. — Долларов у вас не завалялось? Доллары принимаю по курсу Сенного рынка: прямая для вас выгода.

Вручив нахально-мрачноватому «гению» бешеную сумму нормальными рублями и завладев вожделенной, Юрий Игнатьевич без лишних церемоний показал на дверь.

Однако в дальнейшем Четверкину пришлось неоднократно прибегать к услугам Питирима, фамилия которого оказалась двойной, не просто Куук, а Куук-Ушкун. То понадобится особое бельгийское сверло «линчап», то кронштейн фирмы «Кимми Каус», то линзы системы «Братья Ксеркс»... — все это можно было достать только у одного человека в Ленинграде.

В те времена Юрий Игнатьевич частенько навещал невыразительный серый дом возле четырех львов с золотыми крыльями. Питирим не пускал его в глубь своей квартиры.

Иногда в простую душу авиатора закрадывалось сомнение — а вдруг мрачный молодой

«гений» просто-напросто спекулянт? Однако сомнения эти быстро рассеивались.

— Не для себя беру, — всякий раз говорил Кукк-Ушkin, принимая от Четверкина бешеные суммы за дефицитные иностранные детали.

— Для кого же?

— Для них, — отвечал Питирим загадочно и длинноватым желтоватым уже тогда пальцем поворачивал потускневший от времени глобус в латунных кольцах.

В далеких, темных и неприятно-загадочных комнатах питиримовской квартиры уже тогда что-то булькало, что-то позванивало, что-то тихо взрывалось. Уже тогда по паркету, стучая когтями, ходил клочковатый пудель Онегро. Сейчас этому пуделю насчитывалось не менее сорока лет, и, будь он жив, он считался бы, безусловно, самым выдающимся собачьим долгожителем.

После очередного торгового акта, похожего, как обычно, на оскорбительный обман, Юрий Игнатьевич и увидел в углу под

темным стариным портретом странноватый сундучок.

— Что это у вас там под портретом? — поинтересовался он.

Кукк-Ушkin усмехнулся.

— Это сундучок, в котором что-то стучит. Можете полюбопытствовать.

Четверкин взял в руки увесистый, на полпудика, сундучок, сделанный в какие-то очень далекие времена из непонятного материала, то ли из камня, то ли из металла, то ли из дерева. Сундучок был украшен замысловатым вензелем, но никаких признаков замка или замочного отверстия Юрий Игнатьевич, помнится, не заметил.

— Приложите ухо, — зловеще посоветовал Кукк-Ушkin.

Четверкин бесстрашно прижал ухо к теплому, именно теплому, милостивые государи, боку сундучка. Через несколько секунд он услышал глуховатый мерный стук. Странное дело, он почему-то почувствовал к этому сундучку необыкновенную симпатию. Именно симпатию, милостивые государи, хотя какую, сами посудите, товарищи, симпатию может испытывать одушевленный человек к неодушевленному предмету, даже если в том что-то и стучит.

— Отдадите? — спросил Юрий Игнатьевич Питирима.

— Отдам, — усмехнулся тот. — Миллиончика за три.

Юрий Игнатьевич тогда должным образом оценил внезапно проявившееся чувство юмора у Питирима и долго хорошо хохотал. После полетов над пустыней Гоби у Четверкина появился вкус к доброму смачному хохоту. Впрочем, в те времена в стиле были именно хохливые белозубые пилоты.

Юрий Игнатьевич хотел вообще-то как-то чем-то расшевелить Кука-Ушкана, как-то пробудить его к нормальной жизнерадостной жизни, изгнать из него дух нахивы, «может быть, подружиться даже, чудачить вместе. Все было тщетно. Питирим близко к себе не подпускал и только усмехался многозначительной надменной и непринятной усмешкой.

...Потом началась подготовка к воздушному штурму Арктики, а вскоре и сам штурм, и Юрий Игнатьевич забыл Питирима Кука-Ушкана на долгие годы, а потом и вовсе забыл. Он любил только приятных добрых чудаков, а чудаков отталкивавшего свойства даже и чудаками не считал, милостивые государи...

Четверкин заканчивал свой рассказ, прогуливаясь по тихой набережной канала вдоль фасада серого дома, и Гена, внимая ему, прогуливался рядом. Друзья, разумеется, и не подозревали, что сверху сквозь ионическую листву за ними наблюдает узкое и желтое лицо, похожее на тусклый фонарь прошлого века.

— Дружище Юрий Игнатьевич, а вы не можете вспомнить тот портрет, под которым стоял сундучок? — спросил Гена.

— Там было очень темно, а портрет темный, написанный не позднее семидесятых годов девятнадцатого века, дружище Гена. Кажется... синий морской мундир... два ряда серебряных пуговиц... по-моему, низший офицерский чин... и неотчетливое желтое лицо, словно керосиновый фонарь... должно быть, живописец был не особенно искусен, да и краски не самого отменного качества...

— Морской мундир... — проговорил задумчиво Геннадий.

Прославленная интуиция пионера Стратофонтова плеснула хвостом, словно проснувшаяся щука.

— Что ж, давайте поднимемся в бельэтаж, — предложил Юрий Игнатьевич. — А вдруг, на нашу счастье, Кука-Ушкани еще живет здесь, и в сундучке все еще что-то стучит, а цена упала хотя бы в десять тысяч раз?

Они поднялись на площадку и позвонили. И сразу же услышались неприятный голос.

— Кого-с?

— Это он! — вскричал Четверкин. — Питирим, открои! Это я, Юрий Игнатьевич Четверкин, который покупал у тебя американскую радиальную пружину «зан-тар»!

Два глаза смотрели на пришельцев сквозь дверь, один сверху — человеческий, другой снизу — собачий. Разницы по сути дела не было никакой. Слышалось сдавленное рычание.

— Проходицы, проходите прочь! — послышалось из-за двери.

— Товарищ Кука-Ушкани! — взволнованно заговорил Гена. — Дело чрезвычайно гуманистической важности. Из глубин мирового эфира пришел сигнал «SOS». Мы не проходицы. Я пионер Геннадий Стратофонтов, потомок известного путешественника.

— Ха-ха, — послышалось из-за двери. — Семя Стратофонтовых вымерло еще до 17-го, а Четверкин, ха-ха, испарился в местах настолько отдаленных, в коих и Макар подох со своими летягами. Ха-ха!

— Что за вздор!! — воскликнули друзья.

— Ввв-ззз-доррр! — рявкнуло из-за двери.

— Питирим Филимонович и вы, Онегро, вглядитесь! — моляще сказал Четверкин. — Неужели вы меня не узнаете?

— Сокола Четверкина вижу парящим в небе, а в вас, пожилой проходицем, не нахожу даже отдаленного сходства, — прокрежетало и прорычало из-за двери. — Уходите, не мешайте Процессу, а то в милицию позвоню.

Юрий Игнатьевич безнадежно махнул рукой и отвернулся с явно обескураженным видом. Вряд ли кому-нибудь понравится, если в нем не узнают прежнего сокола и назовут пожилым проходицем. Однако Гена ободряюще подпихнул старшего товарища локотком и заговорил вдруг совершенно неожиданным и несвойственным ему голосом маленько хитреца и проныры.

— Вы нас не поняли, сэр. Мы к вам не на чашку чая, сэр. Воспоминания прошлом не входят в наши привычки, сэр. Радиальная пружина «зан-тар» не будет предметом разговора, сэр. Мы просто хотим у вас кое-что купить, сэр.

В ответ на эту хитроумную, достойную Одиссея тираду неожиданно последовало благожелательное молчание. То ли обращение «сэр» пришло по душе Кука-Ушканину, то ли слово «купить» вызвало в нем привычный прилив положительных эмоций.

— Что? Что? Что? — вполне по-человечески протянул из-под двери Онегро.

— Мы хотим у вас, сэр, купить сундучок, в котором что-то стучит! — с бьющимся сердцем произнес Геннадий.

— Три миллиона! — немедленно рявкнули в ответ, и после короткой паузы послышался саркастический хохот, а из щелей старой двери повалил разноцветный пренеприятнейший дым.

Друзья, к сожалению, не заметили, как на другом берегу канала появился престраннейшего вида иностранный турист. Это был солиднейший господин с мясистым загривком, с бобриком седых волос, с драгоценным камнем в ухе. Это был, откровенно говоря, мультиимпидионер, буйвол мясной индустрии Адольфус Селестина Сиракузерс.

Легко вогнав меж гранитных плит спицу ярчайшего зонта, он поставил под зонт мольберт, раскладной стул и уселся, выставив пунцовое пузо. Эдакий, видите ли, свободный художник.

Скрипнули чугунные ворота экономического института. На одной из половинок ворот выехала костлявая дворничиха в слуховых очках. Не слезая с ворот, она сделала несколько снимков невыразительного дома кодаком-зеркалкой, висящим на плоской груди.

— Вы видите этот дом, синьор Сиракузерс? — спросила она.

— Зрение изменяет мне, — шумно вздохнул Сиракузерс. — Принимаю для зрения пилюли «Циклон», но они пока не действуют.

— Хотя бы помните, для чего мы сюда пришли? — с неприятной ухмылкой спросила старуха.

— С памятью у меня совсем плохо, — виновато хихикнул богач. — Хваленый экстракт «Меморус» помогает не лучше жевательной резинки.

В следующий момент... В следующий момент дворничиха оказалась уже на другой стороне канала. Как это произошло? Каким образом она пересекла водную артерию, минуя Львиный мостик, по которому еще прогуливались наши положительные герои? Нет, конечно, никакого смысла намекать на сверхъестественную силу ее метлы. Весьма нет, в этом нас убеждает ход истории. Не лучше ли обратить внимание на сверхтолстые подошвы дворничихи, на эти сверхмодные платформы? Не они ли помогли старухе совершить технический прыжок?

Спускаясь по лестнице, Гена Стратофонтов весело подпрыгивал, а на последнем марше даже не отказал себе в удовольствии соскользнуть вниз на животе по перилам.

— Что это вы так радуетесь? — скучновато спросил его старый авиатор, все еще переваривающий «проходимца».

— Да как же не радоваться! — вскричал Гена. — Подумайте, Юрий Игнатьевич, в один день столько открытий! И самое главное — мы убедились, что сундучок — здесь! Кукк не продал его! По вашему рассказу, дружище Четверкин, я сделал заключение о характере этого человека и проверил его... Проверка удалась,уважаемый дружище!

Юрию Игнатьевичу ничего не оставалось, как с почтением пожать руку своему юному другу.

лишь одна комната называлась «лабораторией», а две другие иначе: одна — «конференцией», другая «салоном мысли».

В углу «лаборатории» под портретом флотского лекаря эпохи клипперов среди других семейных реликвий — кожаная тетрадка-дневник, стетоскоп, выточенный из моржового клыка, скальпель, на который совремейному хирургу и взглянуть-то страшно, большая флотская клизма, так называемая «аварийная помпа» — стоял и злополучный сундучок.

Из поколения в поколение передавался сундучок, пока не дошел до Питирима. В дневнике мичмана Фогель-Кукушкина, судового врача клиппера «Безупречный» и предка Питирима, среди пятиен, оставленных жидкостями, сохранилась запись такого рода:

«...вбежал Маркус Ион и со слезами на глазах протянул мне сундучок весьма солидного веса (не менее 15 фунтов), с престранной монограммой и без каких-либо наличествующих признаков замка. В пылких выражениях он молил меня сохранить сей предмет до... (пятна-пятна)... Несчастный не мог знать, что через... (пятна)... (большие пятна)... Бой разгорался с новой силой...»

Прошло немало лет, пока в конце дневника не появилась еще одна запись, касающаяся сундучка.

«...иногда я прижимаю ухо к теплому (он остается теплым даже если его выставишь на мороз) боку сундучка и слушаю странный, мерный и такой дружелюбный стук, идущий изнутри. Стук этот оживляет в моей памяти дни молодости и плавание под флагом нашего славного командира Даниила Гавриловича Стратофонтова. Что скрыто в сем загадочном предмете? Бриллианты, золото или какие-либо культурные ценности, которые для мыслящего человека дороже любых денег? Открыть сундучок я не имею ни малейших посягательств, ибо принадлежит он не мне, а далекому народу, и бог весть, когда-нибудь, быть может...»

После этой записи прошло чуть ли не сто лет. Фамилия многое претерпела, разделась, рассеялась. Фогели разлетелись по дальним меридианам, а последний Кукушкин не нашел ничего лучшего, как разделить себя на две части и для пущей спеси всунуть лишнюю буковку к.

Нельзя сказать, что Питириим в молодые годы своих подобно предку «не имел ни малейших посягательств» к вскрытию сундучка. Очень даже имел, но, несмотря на изобретательный свой ум, он так и не понял секрета этого ящика, а открывать его насилиственным, взломным путем не решился, хотя очень нуждался в бриллиантах и золоте. Все-таки сундучок был семейной святыней, а Питириим, вслух шипя проклятия, в глубине души к нему благоговел.

В конце концов, он убедил сам себя, что в сундучке никому не нужные культурные ценности, махнул на него рукой и предоставил покрываться пылью.

Глава III,

В КОТОРЫЙ
ПИТИРИИМ КУКК-УШКИН
ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ
ПРИСЛУШАЛСЯ К СВОЕМУ
«ВНУТРЕННЕМУ ГОЛОСУ»,
НО БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО

Вся квартира Кукка была заставлена сложнейшими системами тиглей, центрифуг, реторт, колб, жаровен, сообщающихся сосудов; но

И вот сейчас он схватил сундучок, чихнул от вздыбившейся пыли и потряс. Ничего не свинулось внутри небольшой деревянной, но тяжелой емкости. Приложил ухо и сразу же услышал гулкий взволнованный стук. Конечно, так могли стучать только культурные ценности.

«Отдать, что ли, сундук тому мальчионке? — подумал Питирим. — Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации отдаю, пожалуй».

— Чертых с два отдаю! — взвигнул он вслух. — Задаром какому-то молокососу-самозванцу? Нашли простофилю! Да я лучше тому иностранцу толстопузому продам, про которого говорила Ксантину Ананьевну! Продам, а на валюту куплю смолу «гумчванс». Вот разыщу сейчас Ксантину Ананьевну и...

— Ее искать не надо, — услышал он хриплый голос. — Искомая перед вами.

Кук-Ушкин ахнул.

На подоконнике в непринужденной позе сидела костлявая женщина, сама многоуважаемая Ксантину Ананьевна, и огромные очки на

ее носу отсвечивали довольно многозначительно, если не сказать зловеще.

— Любопытно, каким образом вы, Ксантину Ананьевна, проникли «через входные двери и пересекли «конференцию» и «салон мысли», ничего не задев?

Тон Питирима в этот момент очень мало напоминал тон любезного хозяина, однако дворничиха (а это была именно дворничиха) небрежно отмахнулась от вопроса, спрыгнула с подоконника и заходила вокруг лабораторного стола пружинистым шагом тренированного спортсмена-туриста.

— Ближе к делу, Питирим, ближе к делу, — заговорила она. — Принимаете вы наши предложение...

— Повторяю свой вопрос, — прервал дворничиху Кук-Ушкин. — Каким образом вы проникли в лабораторию?

Он треснул ладонью по столу и вперился в лицо непрошеной гостьи одним из самых неприятных своих взглядов.

Ксантину же Ананьевна лишь усмехнулась жесткими губами и веско же ответила:

— Мы, работники коммунального фронта, можем не отвечать на некоторые вопросы.

Несколько секунд прошло в молчании. Питирим Филимонович боролся с желанием выставить наглеца-дворничиху, однако, понимая весомость ее аргумента, лишь трепетал. С работ-

никами коммунального фронта всю жизнь у инвентора, то есть изобретателя, были сложные отношения. Главная же причина его терпимости оставалась все та же — «гумчанс!» По его расчетам, именно эта редчайшая дефицитнейшая смола карликового эвкалипта из юго-восточного высокогорного Перу (округ Куско) должна была стать последним восклицательным знаком в многолетней серии его изысканий, тяжких трудов, мелких спекуляций, бесконечных ночей, раздумий и мук честолюбия.

— Мы знаем, — с неожиданной задушевностью сказала вдруг дворничиха и положила на шуплую плечику Питирима свою тяжелую ладонь. — Мы знаем, что вам не хватает для завершения опытов нескольких граммов смолы «гумчанс». Научная общественность всего мира ждет, больше того, все человечество ждет, а особенно, развивающиеся страны.

— Да кто вы такой, Ксантина Ананьевна? — с явным испугом спросил Кукк-Ушкун. Он совсем потерял инициативу и сидел, съежившись под тяжелой рукой.

Обнажившиеся в улыбке зубы дворничихи были похожи на клавиши аккордеона.

— Любезнейший милейший гениальнейший товарищ Кукк-Ушкун, один грамм смолы «гумчанс» на мировом рынке стоит пятьсот долларов. Известный филантроп Адольфус Селестина Сиракузерс предлагает вам пять тысяч.

— Я всегда просил за этот предмет три миллиона, — слабо пискнул Питирим.

— Пять тысяч долларов — это как раз и есть три миллиона, три миллиона песет той страны, откуда прибыл филантроп.

— А-а, тогда другое дело, — несколько приободрился Кукк-Ушкун. — Три миллиона — это три миллиона.

— Больше того, — надавила Ксантина Ананьевна, — мы гарантируем доставку к вам в Ленинград свежевыжатой смолы прямо из округа Куско. И взамен мы просим лишь стальной никому не нужный сундучишко. Вы спросите — зачем он нам? Да ни зачем! Просто приходит богача-коллекционера. Где-то в Океании прослыпал про сундучок из дерева «сульп», и ну подавай ему его. Гримасы мимра чистогана, Питик, такие дела, — дворничиха вдруг словно бы вспомнила, что она дворничиха, и заговорила на дворнице языке. — Да я бы лично Питирюша, за еттый ящик и кефирной бутылки не дала. Лови момент, Емеля, пока твоя неделя! Мотри, старуху-то не забудь! Купишь красненького? Может, ты сумлевашься, голуба? Может, полагаш — я агент? Питирим Филимонович, я простой старуха-дворник, мету улицы, за культуркой слежу — понял? — гостям делаю помощь — ясно?

«Ой, неясно, — подумал Кукк-Ушкун, — ой, темнит старуха, ой-ой-ой...»

Он чувствовал, что теперь уж ему не отвертеться, нужно принимать решение — либо Онегро будить и напускать на непрошено гостя, либо брать в лапу эти проклятые «пять

тысяч — три миллиона», отдавать реликвию и ждать смолы.

...Как вдруг по соседству, в «салоне мысли» произошло событие: затрубила, завизжала флейтами, закукарекала сигнальная система. Это означало, что Процесс достиг фазы и сейчас пойдет Продукт. Сколько уж лет, десятилетия эти взвинчивали Питирима — а вдруг сейчас, именно сейчас?

Забыл про все на свете и с легкостью необыкновенной сбросив с плеча тяжелую ладонь коммунального работника, Питирим выскочил из «лаборатории», промчался через «конференцию» в «салон мысли».

«Продукт» действительно уже шел по стеклянным трубкам на выход. Скрестив руки на груди, смотрел Питирим, как медленно катятся темно-зеленые шарики, и думал не без гордости о силе своего интеллекта: эва, как все продумал и как устроил — сложнейшая конструкция действует безупречно! Сама синтезирует, анализирует, снова синтезирует, сама же и приглашает на выход. Без ложной скромности можно сказать — нет пределов человеческому гению!

Явился, стучая коготками и позевывая, пудель Онегро. Этот не пропустит выхода Продукта. А ведь было время, когда чурался, крутил носом, даже визжал. Теперь всегда, когда подходит Фаза, собачий долгожитель тут как тут — ждет первого, еще не обожженного шарика и облизывается. Быть может, именно в употреблении Продукта и скрыт секрет мафусаилового (для собаки-то!) сорокалетнего возраста.

Питирим Филимонович даже слегка задохнулся от такой гипотезы. Секрет дол-

голетия? Да ведь из этого же прямиком вытекают памятники, монументы ему, Питириму Кукк-Ушкуну, по всем культурным столицам: институты, площади, бульвары его имени!

...Сумасшедшие перспективы!.. Вечное паломничество... Канал, конечно, придется переименовать — извините, Александр Сергеевич...

Что ж, довольно уже мытарить нашего терпеливого читателя глухими намеками на неясное изобретение. Раскроем карты: Питирим Филимонович Кукк-Ушкун вот уже сорок лет был занят одной идеей — изобретением универсальной человеческой еды. Эта еда, или, как предварительно назвал изобретатель, Продукт, должен был заменить на планете Земля все разносолы. И своей доступностью, дешевизной, а может быть, и бесплатностью ликвидировать сразу множество проблем, а своему творцу обеспечить бессмертие.

Ради этой идеи и прожил Питирим всю свою жизнь, ради нее даже мелким мошенничеством занимался в те далекие прохладные годы, ради нее портил свой характер и ощетинивался, ради нее так и остался по штату младшим гардеробщиком в Доме культуры, а ведь мог бы продвинуться до старшего администратора.

В принципе Продукт был уже готов, в нем было больше витаминов, белков и солей, чем в любой другой пище. Не хватало пока что одного — вкуса. По идее Питирима, Продукт должен стать вкуснее любой самой вкусной еды, вкуснее шоколадных тортов, вкуснее икры и устриц и даже вкуснее свежевыпеченного ржаного хлеба.

Однако не получалось. Все получилось, вкус — не получался. Пока что, прямо скажем, получился какой-то антивкус. Продукт был настолько отвратительным, что даже сам его творец не решался проглотить целый шарик. Один лишь Онегор, который лет тридцать пять назад был принесен в жертву науке, вдруг привык к Продукту, стал его активно потреблять и жертвой себя не чувствовал.

Так и сейчас, он с аппетитом прожевал и проглотил зеленоватый с искорками шарик и довольный улегся рядом с Системой. Кукк-Ушкун попытался последовать его примеру, лизнул было шарик, нет, Продукт был все еще далек от совершенства.

Должно быть, смола «гумчанс» скажет свое решительное слово и, соединившись с остальными компонентами, придаст Продукту вкус амброзии, которой, как известно, питались боги на Олимпе. Так Питирим окончательно решил принять предложение Ксантины Ананьевны и заезжего филантропа.

Он переправил готовый Продукт в стеклянную печь для обжига и закалки и крикнул в «лабораторию»:

— Ксантина Ананьевна, я согласен!

Молчание было ответом.

«Инвентор» прошел в «лабораторию», но своей непрощеной гостьи там не нашел. Было тихо, и лишь легкий ветерок тихо циркулировал под высоким темным потолком, шевелил паутину и чуть-чуть шелестел клочками обоев.

Сундучка под портретом не было.

Продолжение следует

ПРЕКРАСНОЕ

К 70-ЛЕТИЮ Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО

Тем временем Геннадий Стратофонтов не покидал своей квартиры на улице Рубинштейна, ибо только здесь он мог, по его выражению, «держать руку на пульсе событий». Несколько раз он выходил в эфир и связывался со своими постоянными корреспондентами-коротковолновиками: вдруг кто-нибудь из них тоже приметал таинственные призывы о помощи?

Международная дружба радиолюбителей-коротковолновиков широко известна, и порой она принимает весьма трогательный и полезный для человечества характер. Все помнят, что сигналы несчастных из арктической экспедиции Нобиле были приняты советским сельским любителем на слабеньком детекторном приемнике. В пятидесятые годы весь мир обогнал потрясающая история, как коротковолновики разных стран помогли спасти экипаж норвежского траулера, пораженный грозной инфекцией.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1975 г.

Гена был уверен, что его заочные друзья окажут ему любую посильную помощь, и потому сообщил о неясных сигналах и научному сотруднику заповедника в Танзании, и монгольскому овцеводу, и скрипачу из Эдинбурга, и гавайскому педагогу, и мальчику-почтальону с Фолькландских островов, и метеорологу с Памира, и боксеру из Буэнос-Айреса.

Цепь дружбы начала работать немедленно. Прошло совсем немного времени, и вышел на связь мальчик-почтальон Мик Джеггер. Взволнованно он сообщил, что его старый друг, вождь племени Фуруура с атолла Чуруура третьего дня выловил в эфире отчетливый призыв спасти для человечества огромные ценности, заключенные в сундучке, в котором что-то стучит... Больше ничего вождь племени выловить не смог, но сообщил мальчику-почтальону, что, по его мнению, сигналы идут из Микронезии. Вождь обещал поставить на ноги всю сеть своих постоянных корреспондентов, а именно: председателя воеводского комитета профсоюза горняков из Силезии, хозяина траттории из Калабрии, инспектора пожарных команд из Брауншвейга, кинооператора с озера Чад (Центральная Африка), отставного магараджу Лумпера и счетовода из Ленинграда Цитронского Льва Степановича.

Гена после этого сообщения Мика Джеггера открыл телефонную книгу и с удивлением обнаружил, что заочный друг вождя Фуруура проживает в совсем близком соседстве, а именно на той же улице Рубинштейна и даже в их доме, но только в другом подъезде. Не успел он это обнаружить, как позвонили в дверь, и Цитронский Лев Степанович представил перед Геной лично в своих небесно-голубых наручавниках и в наушниках на чудаковатой приятной голове.

— Простите за беспокойство, — сказал Лев Степанович, — но четверть часа назад мой старый друг товарищ Фуруура с атолла Чуруура дал мне ваши координаты, и я счел своим долгом засвидетельствовать вам уважение и выразить готовность...

— Дорогой Лев Степанович, вы опередили меня на несколько минут! — воскликнул Геннадий. — То же самое я собирался сделать по отношению к вам.

Так завязалась еще одна ниточка дружбы. Вот урок иным мизантропам мира. Современная цивилизация соединяет людей через необозримые океаны и даже через перегородки собственного дома.

Цитронский оказался как нельзя кстати. Геннадий попросил почтенного бухгалтера периодически выходить в эфир и расширять круг поисков, а сам собрался на стадион. Дело в том, что в этот вечер должны были скрестить ракетки в финале районных пионерских соревнований две смешанных пары: Наташа Верто-прахова и Валентин Брюквин, Даша Верто-прахова и Геннадий Стратофонтов.

Гена положил было уж в сумку теннисные туфли, ракетку и мячи, как вдруг в глубине

квартиры зазвонил телефон. Гена вздрогнул, он чувствовал, что и этот звонок неспроста. Все теперь будет неспроста, это он понял еще тогда, несколько дней назад, когда ветерок Приключения под видом обычного сквозняка прогулялся по их квартире.

В самом деле, это звонил сенатор Кучче, толстяк — радикал из далекого Оук-Порта, верный друг, с которым вместе год назад боролись они против черных сил мировой мафии.

— О, Пафнугти, хава айо гладул хиро юст! — с искренней радостью вскричал Гена.

— О, Джинадо, хава плюзаро тур мнос юст ноун форгетул мумзери лингаус! — вскричал Пафнугти Кучче.

Слышимость была неплохая. Надо сказать, что прошлогодние события вывели островитян Большых Эмпиреев из исторической консервации. Островитяне вдруг начали активно пользоваться разными благами современной цивилизации и, в частности, телефоном. Больше того, они так увлеклись возможностями сверх дальней связи, что по меньшей мере треть бюджета республики уходила на телефонные переговоры с разными странами. Геннадий уже привык, что вдруг среди ночи его будил звонком футболист Рикко Силла, или бывший президент, а ныне парикмахер Токтомурян Джечкин, или даже дельфин Чобби Чаккерс, ныне служивший капитаном столичного порта и главным лоцманом Республики.

Теперь мы переводим на русский язык дальнейший разговор Геннадия и сенатора Кучче, ныне премьер-министра страны.

— Вы, дорогой Пафнугти, должно быть, звоните мне по поводу сундука? — спросил Геннадий.

— Не понял! — прокричал Пафнугти через океаны.

— По поводу сундука, в котором что-то стучит? — пояснил свой вопрос Гена. В ответ послышались звуки, похожие на серьезные атмосферные явления, но в то же время наполненные трогательным человеческим содержанием.

— В чем дело, Пафф? — забеспокоился Гена.

— Я плачу, — сквозь эти явления ответил премьер. — Я растроган до слез твоим, Гена, вниманием к нашей маленькой стране. Ты знаешь даже полузабытые легенды.

— Срочно расскажите мне эту легенду, — попросил Гена.

В мировой телефонии возникли новые явления, похожие на стыдливое похрюкивание.

— Мне немного стыдно, но я помню эту легенду только наполовину, ведь она полузабыта, — сказал Кучче. — Однако попробую...

Оказалось, что легенда о сундуке из дерева «сульп» уходит куда-то в необозримые времена, когда нарождающееся человечество разрозненными кучками и даже в одиночку путешествовало по пустынной планете среди красивых, но грозных в своей загадочности явлений природы, чуть ли не к тем временам, когда мореплаватель Ион с тремя сыновьями: Мисом,

Махом и Тефя — шмякнулся на своем катамаране через стену прибора на шелковистый пляж необитаемого архипелага.

Сундук переходил из эпохи в эпоху, из рук в руки, из алчных в благородные и наоборот и обрастил малыми легендами, словно ракушками, хотя на его гладкой поверхности не оставалось ничего, кроме нерасшифрованной монограммы. Достоверно было известно лишь, что в нем что-то стучит, но ключа к нему подобрать не смогли, да и замок к тому же не был обнаружен, разбить же его благородные руки не решались, алчные же — вот еще одна загадка — не могли. Небьющийся был сундуком!

Естественно, многие думали, что в сундуке скрыто черт-те что: то ли неслыханной ценности бриллианты, то ли чрезвычайные культурные ценности. В середине прошлого века «кпоты» с Карбункула пустили слух, что именно в этом сундуке спрятал украденный на пиратском бриге гигантский алмаз несчастный свистун Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться от возмездия на островах Кьюри и там одичать. Известно было, что шайки с эскадры кровавого бандита Рокера Бугги рыскали по островам в поисках сундука до самой решающей схватки с клипером «Безупречный». Потом следы сундука окончательно затерялись...

— Мы нашли эти следы! — вскричал Гена. — Пафнугти, похоже на то, что скоро мы вернем вашему народу его достояние!

— Хорошо бы к от-

крытию, — сказал сенатор. — Ведь я звоню тебе, дорогой Гена, совсем не из-за сундука, о котором наш народ уже почти забыл, хотя и не отказался бы обрести его вновь, даже не зная, что там стучит и стучит ли вообще, и ну же ли этот стук нашему красивому народу, и не нарушит ли он гармоническое равновесие между островами...

«Эге, — подумал тут Гена, — уж не становишься ли ты рутинером, дорогой Пафнутий?»

— ...И подлинные ли кроются там ценности, а не мнимые ли, и не разбудят ли они нездоровье страсти среди некоторых граждан Оук-Порта, которые в последнее время отряхивают пыль со своих пиратских предков, овеянных флером псевдоромантики и забывают или отодвигают на второй план других своих предков, виноградарей и рыбарей с их простой, но не менее яркой судьбиной, а совсем из-за другой причины.

— Что? — спросил Гена не без растерянности. — Я несколько запутался в вашей фразе, дорогой уважаемый друг.

— Не из-за сундука, а из-за музея, — чуть-чуть яснее сказал сенатор. — Мы открываем музей нашей истории и приглашаем на открытие все потомство нашего национального памятника, а также сестер Вертопраховых, капитана Рикошетникова, его семью, весь экипаж корабля «Алеша Попович» с членами их семей и друзьями, а также всех людей доброй воли, по твоему усмотрению.

— Спасибо, Пафнутий, мы обязательно приедем, а вы пока...

Он хотел попросить премьера начать поиски

тайного коротковолновика, используя помощь вождя Фуруура (ведь от Эмпиреев до Микронезии гораздо ближе, чем, к примеру, от Ленинграда до Гренландии), но тут по длинным коленам мировой телефонии и по всем ее стыкам прошла нервная дрожь: голос Кучче уплыл и растворился, и забормотал сразу несколько десятков голосов — тери таузерид ов миллион... твенти пойнт сикс нер сент... комма... хальб дритте... масимаси... квант оа... хав пайдунд... тити-мити, — Геннадий понял: мировую валютную систему вновь лихорадит.

Он поднял мяч для подачи и вдруг задумался. Весенний закат пылал над островами. Он пытал равномерно для всех, в том числе и для нас с вами, но, в самом деле, давайте скажем прямо — весенний закат над островами для тринадцатилетних детей пытает сильнее, чем для их сорокалетних родителей. Он стоял с мячом над головой и думал, глядя на весенний закат над островами, хотя это были родные Кировские, а не те далекие, далекие, далекие, где когда-то, год назад, он встретил свою партнеришку в сегодняшнем матче — Дашу Вертопрахову, в ее времена еще именуемую Доллис Накамура-Бранчковской.

Отягощенный этими воспоминаниями Гена подал мяч, а неотягощенный воспоминаниями Валентин Брюквин тут же погасил его. Зрители, у них было немало, ибо рядом с кортом находился дом отдыха ветеранов сцены, взорвались аплодисментами. Назревало сенсационное поражение ранее почти непобедимой пары.

— Генка, ощетинимся? — услышал он горячий шепот Даши. Удивительно, как быстро овлаведала эта бывшая иностранка разными школьными ленинградскими словечками.

Гена вновь повернулся лицом к закату и вдруг увидел в небе на огромной высоте странное закатное облако — зеленый кораблик под оранжевыми парусами. Кораблик стоял в необозримом пространстве, пронизанном лучами уже окунувшегося в западную Балтику солнца, и как бы подчеркивал своим присутствием необозримость этого пространства и необозримость мечты и безграничные возможности переходного возраста. Это был ответ на вопрос «а не лучше ли?» «Нет, не лучше, — сказал сам себе мальчик, — отнюдь не лучше устраиваться и предаваться удовольствиям, чем идти на помощь тем, кому наша помощь потребна!»

В небе над кортом сделала круг крупная птица. Гена взялся. Бог ты мой, это был старый друг чайка-самец Вискаррон из устья Фонтанки. Нет, неспроста прилетел он сюда. Ему тоже хотелось стать участником приключений. Не прошло и пяти секунд, как вдоль проволочной сетки замелькали рыжие, огненные пятна — это мчался ирландский сеттер Флайнг Ноуз, друг Пуша Шуткина. Еще через секунду сам Шуткин спрыгнул неизвестно откуда на теннисную сетку и сделал лапой жест — внимание!

Наташа Вертопрахова возмущенно топнула ножкой: прерывался матч, упивала прямо из рук долгожданная победа над Геннадием Стратофонтовым!

— Брюквин, что вы скажете по этому поводу?

— Нет комментариев, — без интонации ответил Валентин и отступил в сторону, гордо играя трехглавым мускулом бедра.

Не прошло и минуты, как на теннисном корте появилось еще одно животное — клочковатый пудель Онегро влетел с несвойственной ему прытью, галопируя передними лапами и тормозя задними, разбрасывая клочьями пену и волоча за поводок своего задыхающегося хозяина, Питирима Кукк-Ушкана.

— Товарищ Стратофонтов, я вас ищу! — вскричал нелодимый «инвентор» и бросился вдруг перед мальчиком на колени.

Трибуны разразились аплодисментами. Многие смахнули слезы с пожелтевших от грима щек.

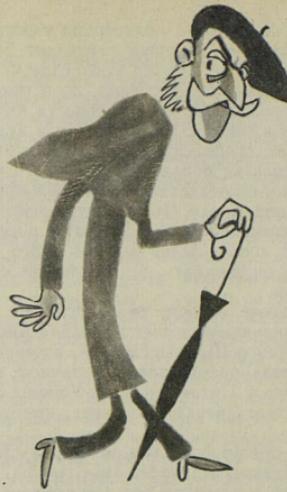
— Вот за что я люблю теннис, — сказал ветеран сцены Даульский ветеранке Крошкиной, — какая неожиданная драматургия! В третьем сете врывается старик и падает перед чемпионом на колени! Великолепно! Даже в классике такого не бывает. Там всегда знаешь наперед, что Сильву Мореску задушат из ревности.

— Питирим Филимонович! — воскликнул мальчик. — Вы на коленях? Перед несовершеннолетним?

— Оставьте меня! — властно сказал Кукк. — Дайте мне сказать! — не вставая с колен, он быстро причесался оловянной расческой и заговорил с совершенно невероятной экспрессией:

— Дети, и вы, ветераны сцены, и вы, разумные звери, включая птиц, и вы, шуршащие нежной листовой деревья, и вы, розовощекие небеса, и вы, Онегро, живое воплощение моих сокровищных трудов, все присутствующие, — знайте, что Питирим Филимонович Кукк-Ушкани — совсем не вредный человек! Много лет, поддавшись поверхностному, но магнитному чувству тщеславия, я сторонился общественности и даже зарекомендовал себя мизантропом, но вот сегодня произошел перелом. Кому я обязан этим переломом? Вам, товарищ Стратофонтов, мужественный потомок командира моего предка флотского лекаря Фогель-Кукушкина, вашему примеру, дорогой товарищ юный пионер! Вот именно благодаря вашему примеру я понял, что истинный смысл моей жизни состоит не в будущих монументах и каналах моего имени, а именно в том, к чему вы призывали через закрытые двери — к служению идеалам человеческой цивилизации! И вот теперь, товарищ Стратофонтов, когда я все понял, и когда я созрел для этого монолога, я вынужден закончить его тяжким сообщением — сундучок, в котором что-то стучит, пропал!

Не будем говорить о том, какими аплодисментами наградили этот страшный монолог ве-

тераны сцены, не будем описывать и тревогу, охватившую всех участников теннисного матча, их друзей-животных и членов семей.

Оказалось, что в районе бульвара Профсоюзов многие дворники знали в лицо Ксантину Ананьевну, но никто не знал, к кому же она принадлежит.

Дворник Шамиль, например, рассказывал:

— Я мету панель от овощной палатки до киоска «Союзпечать», а от киоска метет Феликс Грибов, но он сейчас поступил в Университет на очное отделение и больше не метет, а вместо него мела вот эта дама в фирменных очках, которой вы интересуетесь. Я ее спросил, не родственница ли она Феликсу, а она сказала, что тетя. Феликс — лингвист, и я лингвист, и тетя оказалась тоже лингвист. Мы с ней по утрам перебрасывались фразами на рето-романском языке. Это такая вымирающая народность в горной Швейцарии.

Дворник Феликс в свою очередь поведал следующее:

— Я, конечно, стараюсь теперь мести свой участок от киоска до парикмахерской по вечерам, потому что утром посещаю лекции по мат-лингвистике. Частенько на участке Шамиля встречал странную даму, похожую на мужчину. Однажды дама была дамой, потому что интересовалась одним пожилым гражданином с собачкой. Как-то я спросил ее, не родственница ли она Шамилю, а она ответила, что тетя — Шарафетдинова Раиса из Перми, специалист по руническим письменам. Это далекая от меня сфера, и потому я теткой этой перестал интересоваться, хотя и перекидывался иногда фразами на северо-норвежском диалекте.

— Выходит, что панель от овощного киоска до парикмахерской подметалась дважды? — спросил Гена.

— Именно, — подтвердил участковый уполномоченный старший лейтенант Бородкин. — Повышенная чистота этого отрезка меня принципиально интересовала, но я относил это за счет возросшей сознательности Фельки и Шамиля в связи с поступлением в вузы. Дворник сейчас профессия очень дефицитная, и порой приходится пополнять кадры за счет интеллигентии с предоставлением служебных помещений под жилье. Что касается аферистки, то ее, без сомнения, встречал, но принимал за чудака. В моем участке чудаков много, и если каждого опрашивать, не хватит ни сил, ни здоровья.

Короче говоря, оказалось, что фальшивая дворничиха-лингвист Ксантинна Ананьевна, она же Раиса Шарафетдинова, исчезла без следа. Исчезла, разумеется, с сундучком, который она изъяла у Питирима Кука-Ушкана при помощи простого древнейшего акта, именуемого «кражей».

В обескураженном молчании стояла на углу бульвара Профсоюзов группа порядочных людей в составе Гены Стратофонта, его родителей, сестер Вертопраховых и Валентина Брюквина, капитана Рикошетникова, гардеробщика Кука-Ушкана, дворников Шамиля и Феликса, участкового уполномоченного Бородкина.

В робких сумерках гуляли буйные ветры, что бывает частенько в нашем городе, и под ударами этих ветров мимо наших героев прошел некто в черной хлопающей крылатке с длинным диккенсовским зонтом в сильной желтоватой руке и в огромном черном же наваррском берете на суховатой голове, украшенной седоватыми бакенбардами и усами.

«Вот еще один чудак, — подумал участковый. — Задержать? Проверить? Нет, нельзя. Не этично как-то получается. Идет себе чудак, никому не мешает, а я — с проверкой. В городе столько развелось чудаков, что не хватит ни сил, ни здоровья...»

Персона прошла мимо группы героев вполне независимо и безучастно, лишь только коснувшись группы сардническим взглядом. Никто ей и вслед не посмотрел.

Никто, кроме Гены. Этот последний почувствовал нечто странное, нечто похожее на присосывание холодного кончика шпаги, странное чувство, прошедшее холодком вдоль всего позвоночника и заставившее даже сделать несколько шагов в сторону. Неотчетливая интуиция, так можно было бы назвать это чувство.

— Геннадий, ты куда? — строго спросили тут же сестры Вертопраховы.

— А вам-то что?! — вдруг заносчиво воскликнул наш мальчик и тут же взял себя в руки, подумав: «Что это я? Что это я так кричу? Ох, ломает, ломает меня переходный возраст...»

— Я... собственно я... я собственно на Крестовский к Юрию Игнатьевичу... — пробормотал он. — Ведь надо же... ведь надо же... Ведь надо же посоветоваться же!

— Ох уж! — сказали сестры, вздернув носи-

ком, и посмотрели на Валентина Брюквина, который тут же отвел в сторону ногу и завершил диалог своим постоянным:

— Нет комментарiev!

Геннадий между тем перебежал перекресток и сел в трамвай дальнего следования, лишь краем глаза заметив, как с передней площадки прыгнула в тот же трамвай черная крылатка. Никакой особой нужды в совете старого авиатора у мальчика не было. Ясно было и без всяких советов, что следующим шагом группы порядочных людей должен быть шаг в «Интурист» для наведения справок о заморском коллекционере. Гена прекрасно это понимал и вполне был уверен, что именно в «Интурист» сейчас и направятся оставшиеся. Что же толкнуло его в трамвай, следующий на Крестовский? Черная хлопающая под ветром крылатка, прошедшая мимо них, ее белый сарднический взгляд? Но какая же связь между этой крылаткой и авиатором Четверкиным? Не менее двадцати трамвайных пролетов отделяет Исаакиевскую площадь от Крестовского, и почему бы этой крылатке не сойти на одной из двадцати остановок, не войти в какой-нибудь свой старый дом, в какую-нибудь свою старую квартиру, не зажечь какой-нибудь свой старый камин, не сесть рядом, завернувшись в какой-нибудь старый плед, и не раскрыть какую-нибудь свою старую книгу, почему бы нет?

И все же именно черная крылатка побудила Гену броситься к трамваю, именно мгновенное настроение, возникшее на ветреном перекрестке в связи с появлением там хлопающей крылатки, именно особое настроение этой минуты толкнуло мальчика на нелогичный шаг.

Впрочем, в трамвае мальчик и думать забыл о черной крылатке, которая сидела на нескольких рядах впереди и читала газету «Утренняя звезда» на английском языке. Мальчик думал одновременно о многом, мысли его прыгали с предмета на предмет: с радиосигналов из Микронезии на сестер Вертопраховых с их заносчивостью, с универсальной еды Питирима Кука-Ушкана на предстоящую годовую контрольную по алгебре, с предстоящей поездки на Большие Эмпилер на свой «переходный возраст»... Все не совсем ясные ощущения он относил теперь за счет своего переходного возраста, о котором слышал столько тактично приглушенных разговоров в своей семье. Вот и сейчас его снедало какое-то неясное беспокойство, и он думал: «Ох ломает, ломает меня переходный возраст...» О сундучке, в котором что-то стучит, о пропавшем сундучке он, конечно, тоже думал, но, как ни странно, без особого беспокойства. Сундучок был конечной целью его нового приключения, а цель, все-таки даже удаляясь, даже порой исчезая, остается целью. Цель остается целью, здесь все в порядке. Что же беспокоит его сейчас, и почему ему так безотлагательно захотелось увидеть Юрия Игнатьевича?

Подойдя к этой мысли, он вдруг обнаружил

себя в полном одиночестве. Пустой ярко освещенный вагон подходил к последней остановке.

Гена выпрыгнул в темноту, послушал с неизвестным ранее волнением (переходный возраст!), как скрипят и трепещут листовой огромные деревья Приморского парка Победы, и зашагал к дому Четверкина.

Он застал своего нового старого друга в воротах. Авиатор выходил из сада с двумя плетеными корзинками в руках. В корзинках были банки моторного масла.

— Привет, дружище Геннадий! — быстро сказал старик. — Собираюсь сменить масло в аппарате. Нé хотите ли сопутствовать?

Геннадий взял у него одну из корзин, и они пошли к ангару по пустынной, шумящей на ветру аллее.

— Есть ли новости из мирового эфира или от четырех львов с золотыми крыльями? — спросил авиатор.

— Есть, и пребольшие, — ответил Геннадий и стал рассказывать Юрию Игнатьевичу обо всех событиях прошедшего дня.

Четверкин внимал мальчику, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного слова, как вдруг ахнул и схватился рукой за трепещущую в сумерках молодую осину.

Двери ангары были открыты, и там в глубине блуждал огонек карманного фонарика.

— Воры! — вскричал авиатор. — Держи! — и ринулся вперед, забыв обо всем, и об опасности в первую очередь.

Фонарик тут же погас. Темнота внутри ангары стутилась. Конечно, произошло это в 1913 году, юноша Четверкин, безусловно, заметил бы, что особенно тьма стутилась слева от входа, что там согнулась какая-то фигура. Увы, шестьдесят лет срок немалый даже для орлиных глаз, и авиатор не заметил фигуры — он мчался навстречу гибели!

«Так вот для чего интуиция приказала мне ехать на Крестовский!» — подумал мальчик Гена, подбегая сзади к фигуре и боя ее одним из тех приемов, что освоил когда-то в так называемом санатории д-ра Лафоню, в окрестностях Лондона.

Прием был проведен удачно. Четверкин прокинул в ангар, ничего не заметив, а фигура грубо осела набок, уронив на асфальт какое-то звякнувшее оружие.

Нож? Кастет? Пистолет? Геннадий не успел протянуть руку к упавшему предмету, как увидел летящий снизу к его подбородку тупой нос огромного ботинка. Он узнал один из приемов таиландского бокса, но защититься не успел, и в этот же миг искры полетели из его глаз.

Когда Юрий Игнатьевич включил электричество внутри ангары, широкий сноп света освещал аллею и на ней крупного мальчика, сраженного приемом таиландского бокса, а рядом с мальчиком сверкающий, как новогодняя игрушка, пистолет с длинным стволом и глушителем. Метрах в десяти от ангары некто в хлопающей под ветром крылатке — странная по-

лукомическая, полудемоническая фигура — вытаскивал из кустов мотоцикл.

Когда Геннадий поднял голову, рядом взревел мотоцикл. Чуткие ноздри мальчика сквозь запах бензина уловили запах изысканной парфюмерии — вот странно: переплетались мужской одеколон «Шик-24» и тончайший женский «Мадам Роша».

— Ха-ха-ха! — послышался хриплый смех. Запах никотина и алкогольной изюги заглушил парфюмерию и бензин. — Ха-ха-ха-ха-ха! — торжествующий хохот, короткий взрев мотора, потом стрекотание — и мимо, за кустами, промелькнула крылатка, наваррский берет, твердый желтый нос, седой ус и бакенбард.

Торжествующий, какой-то животный хохот еще стоял в ушах Гены, когда он приподнялся на одном локте и взглянул на сверкающую «елочную игрушку». Вдоль ствола тянулась винтеватая надпись: «Мэйд ин Дисней-лэнд». Геннадий вспомнил, что такие шутовские надписи были выбиты на самом страшном оружии у наемников из госпиталя д-ра Лафоню, а произвело это оно в Гонконге какой-то подпольной фирмой.

Он вскочил на ноги и попал в заботливые объятия старика.

— Дружище Геннадий, что с вами? Вы цели?

— Дружище Юрий Игнатьевич! — вскричал Гена. — На tandemе мы не угонимся за злоумышленником. Не могли бы вы подняться в воздух? Это единственная возможность...

Видно было сразу, что старик в течение своей жизни побывал в разных переделках и не привык в этих переделках задавать лишних вопросов. Он немедленно бросился в кресло своей допотопной птицы и включил вполне современный жигулевский стартер. Мотор не заводился.

Четверкин поднял капот, похожий на бочок десятиведерного тульского самовара, и увидел струйку бензина, вытекающую из бензопровода. Бензопровод был разрушен. Злоумышленник выломал из хитроумной системы Юрия Игнатьевича его любимую деталь, так называемую «флейточку».

Флейточка и в самом деле была похожа на древний музикальный инструмент, эдакая дудочка с тремя клапанами. Она попала в руки авиатору полвека назад при странных обстоятельствах, о которых он расскажет позднее. Сейчас он поведает своему юному другу лишь об одном удивительном свойстве любимой флейточки.

Когда-то в двадцатые годы Четверкин конструировал очередной двигатель и вдруг хватился, что ему нечем нарастить бензопровод. Тогда и додумался он нарастить бензопровод флейточкой, предварительно окутав ее толстой медной проволокой. Тогда и заметил Четверкин странное свойство. Мотор стал заводиться в любую погоду, в любую сырость, в любой мороз. Она, эта флейточка, как будто прогревала всю бензосистему, как будто сохраняла

тепло. С тех пор Четверкин стал вставлять ее во все свои конструкции и даже брал ее с собой в арктические экспедиции. Полярники не раз удивлялись, как легко заводится многотонные «АНЫ» пилота Четверкина, а он только усмехался.

— Вы хотите знать, дружище Геннадий, что за странность была в этой флейточке? Дружище мой мальчик, она была теплая! Она всегда была очень теплая, на любом морозе...

— Как будто бы она была сделана из дерева «сульп»... — задумчиво проговорил Гена.

— Что?! — вскричал пилот. — Что-что-что? Дружище юный пионер, не кажется ли вам, что мы, благодаря вашей удивительной интуиции, вновь оказались на пороге тайны?

— Мне кажется, — тихо сказал Гена. — Мы оказались на пороге, но...

Дома он застал веселое оживление. Все чемоданы и баулы были вытащены и туда бросалось имущество, в основном летние короткие маленькие вещи легкомысленных расцветок. Оказалось, что вопрос о поездке на Большые Эмпирен решен положительно, и все собираются в дорогу.

— А что же синьор Адольфус Селестина Сиракузерс? — спокойно спросил Геннадий, прикрывая носовым платком распухшую на таинственный манер нижнюю челюсть.

— А вот с этим маленькая неувязочка, дружище сын, — весело сказал папа Эдуард. — В «Интуристе» нам сообщили, что скотопромышленник улетел вечерним самолетом компании «Панам» в Стокгольм. Сундучок, разумеется, он увез с собой. Мы уже сообщили об этом в Оук-Порт сенатору Кучче. Республика будет добиваться возвращения национального достояния по дипломатическим каналам.

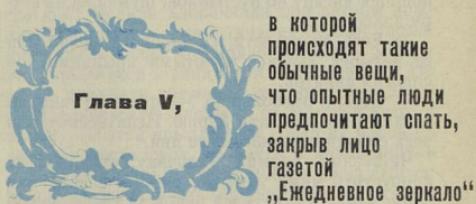
Носовой платок упал на пол, и тут же послышался смех. В окна Стратофонтовой квартиры смотрели лукавые лица сестер Вертопраховых.

— Ой, Генка, — сказала Даша, — с этой челюстью ты стал чем-то напоминать полковника Мизераблеса.

— Неуместная шутка! Глупое сравнение! — воскликнул, побагровев, Геннадий. — Валька, почему ты молчишь?

— Ну комментс, — ответил с улицы Валентин Брюквин.

Он стоял на тротуаре и поигрывал мускулами ног. Таким образом он приучил себя бороться с капризами переходного возраста.

В Париже, в аэропорту Орли, была пересадка. Здесь потомки капитана Стратофонтова и сопровождающие их лица должны были пересесть с лайнера «Аэрофлота» на лайнер «Эр Франс», чтобы лететь до острова Маврикий и там пересесть на лайнер компании японского общества «Джайл» и лететь на Зурбаган, а там пересесть на лайнер «Грин», чтобы перелететь в Гель-Гью, где уже их будет ждать специально зафрахтованный 20-местный и вполне пригодный к употреблению самолет эмпирейской ассоциации «Кассиопея констеллешанс эр чанс». Увлекательное путешествие ожидало наших героев, а пока перед посадкой в стеклянном дворце Орли они были баклужи всяк на свой манер.

Ну, Наташа, конечно, Вертопрахова отражала атаки представителей прессы. Нет, не собирается. Да, слушаюсь родителей. Нет, не намерена. Да, своими успехами обязана тренеру Г. Н. Гумберту.

Ну, сестра ее, конечно, Даша загадочно близко стала знаниями иностранных языков, марокканцев удивляя по-мароккански, испанцев — по-испански, сербов — по-сербски, ибо нет на свете языка, не родственного эмпирейскому, и нет на свете эмпирейца, который не был бы потенциальным полиглотом.

Ну, Брюквин, конечно же, Валентин молча пил у стойки бара газированный напиток кока-колу и на все вопросы международной публики отвечал своим излюбленным «ну комментс», что, как известно, в дипломатии равносильно многозначительному молчанию.

Ну, мама, конечно же, Элла тоже употребляла кока-колу и с ужасом вспоминала, чего ей в юности наговорили про этот напиток — дескать, прямо с ним проникают в кровь вред-

ные мысли. Но вот же пью и просто охлаждаюсь, ничего не проникает. К тому же рядом цедит напиток спутник Стратофонтовых Помпезов Грант Аветисович, сотрудник общества «Альбатрос».

Ну, Помпезов, конечно, Грант Аветисович цедил напиток приговаривая:

— Наш-то квасок покрепче будет.

Ну, отец, конечно, Эдуард встретил в Орли знакомого — мистера Бэзила Сноумена, такого же, как он сам, члена Клуба Покорителей Вершины Навилатронгкумари с Восточной Стороной, ну и, конечно, был баклужи вместе с этим джентльменом, предаваясь приятным воспоминаниям.

Ну, бабушка, конечно, Мария Спиридоновна купила множество цветных пост-карточек и направляла теперь приветы друзьям-однополчанам.

«Привет орлам из Орли!» — таков был текст. Не так уж дурно, не так ли?

Ну, и Гена, конечно же, Стратофонтов среди всеобщего битья баклужи продолжал развивать наше приключение, на то он и наш главный герой.

Для этой цели он сидел в мягкем кресле и беседовал с Юрием Игнатьевичем Четверкиным о таинственной «флейточке».

Ну, Юрий, конечно, Игнатьевич Четверкин сидел с ним рядом и доброжелательно смотрел на парижан и гостей французской столицы. Четверкин находил, что с 1916 года, когда он побывал здесь в составе Русского Экспедиционного Корпуса, парижане почти не изменились: те же «силь в пле» и «са ва». Между тем он рассказывал своему юному другу о «флейточке».

В марте 1914 года подпольная группа, к которой Юрий Игнатьевич прымкал, решила организовать побег из крепости одного революционера по имени Павел Конников. Этот человек для всей мыслящей молодежи России был настоящим идеалом: моряк, путешественник, боевик 1905 года, один из первых русских авиаторов, подпольщик, публицист, спортсмен... Такого особенного человека и спасать надо было как-то особенно, и молодежь ошеломила жандармов своей дерзостью...

В час прогулки над двором крепости появился военный ньюпор и сбросил взрывательный пакет на стену. Вреда никакого от этой бомбы не было, но дыму, шуму, паники на всю Ивановскую. Со второго захода Четверкин (ニュпор пилотировал, разумеется, он) сбросил за борт веревочную лестницу, и когда вынырнул из дыма и полетел к лесу, увидел на веревочной лестнице человека с разевающейся шевелюрой — это был Павел Конников!

Объявлена была тревога по всей окруже. Жандармы знали, что самолет скрылся где-то поблизости в карельских лесах, и обложили все дороги и тропы. Одного не учили малоразвитые жандармы — особенностей бурного спорта. На льду одного из озер Четверкина и Конникова ждал буер, предварительно доставленный

из Финляндии, буер, который при попутном ветре мог развить скорость современного автомобиля. Да, именно буер и пара надежных «маузеров» помогла революционерам вырваться из кольца.

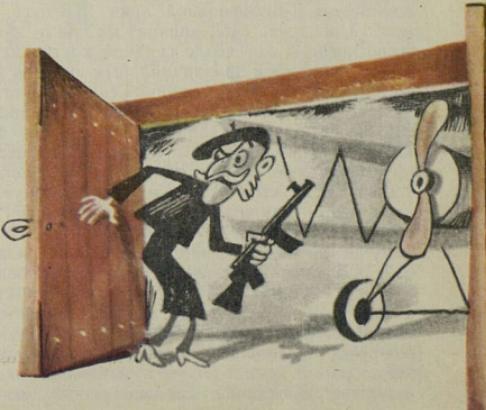
Конечно, началась дружба. Конников был старше Четверкина на два десятилетия, но ведь дружбе, как мы видим, не мешает разница даже и в шесть десятилетий. Конников под конспиративным именем Василий Никитович Бурже вместе со своим молодым другом участвовал во всех авиационных праздниках, конструировал новые аппараты, а когда разразилась первая империалистическая война, они вместе начали летать на первом в мире многоцелевом бомбардировщике Сикорского.

Рядом они прошли и гражданскую. Однажды, в дни эвакуации белых армий с юга России, Четверкин и Конников совершили воздушную рекогносировку над Новороссийским портом. Шрапнельный снаряд с миноноски прикрытия взорвался слишком близко от старого латаного-перелатанного «вузазена». Они еле дотянули до берега и врезались в гору. Юрий Игнатьевич потерял старшего товарища.

Подобно многим скитальцам, романтикам, бунтарям Конников не успел обзавестись семьей, он был совершенно одинок, и все его имущество осталось Четверкину, а именно: ковровый сквохаж с двумя сменами белья, свитером, бритвой «жиллет», томиком стихов и вот этой «флейточкой», которую он привез из своего заморского путешествия еще до революции пятого года.

Он не был особенно музыкален, этот своеобразный человек, но иногда в какие-нибудь меланхолические минуты он начинал играть на этой дудочке, вернее, не играть, а дуть в нее — она сама как будто бы играла. Из нее вырывался странный диковатый примитивный мотив, немыслимо далекой древностью, допотопными временами веяло от этих звуков.

Любопытно также, что если Конников играл

на своей дудочке в помещении, в какой-нибудь, скажем, избе, там начинали скрипеть и открываться двери, окна, ставни, по дому гуляли сквозняки... вообще возникало странное чувство, какая-то тревога. Он нередко на ней играл. И никогда не отвечал, откуда у него эта штучка, только улыбался. Вам это интересно, дружище Геннадий?

— Чрезвычайно интересно, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена. — Скажите, кроме меня, вы в последнее время рассказывали кому-нибудь о Павле Конникове и о «флейточке»?

— Позвольте, позвольте, позвольте подумать, — медленно сказал Четверкин и погрузился в раздумья.

Геннадий был уверен в том, что старый пилот рассказывал кому-то эту историю и в самом недалеком прошлом, но он не торопил его и пока что наблюдал текущую мимо международную толпу. Прошлогодние странствования по интерконтинентальным авиатрассам научили сообразительного мальчика, что и из созерцания толпы можно иногда извлечь кое-что интересное.

И вот он извлек. Возле стойки бара прямо за спиной его мамы Эллы остановился некий верзила-блондин. Он был облачен в наимоднейший серый костюм с высокоподнятыми плечами и разрезом чуть ли не до лопаток, волосы ниспадали ему на плечи — то ли знаменитый футболист, то ли телезвезда, то ли просто плейбой — но... что-то в его манере напоминало мальчику тех парней, которые...

— Вспомнил! — воскликнул Юрий Игнатьевич. — Недели две назад я посетил Зоологический музей, просто так, без особой цели, просто лишний раз полюбоваться гигантским скелетом голубого кита. Знаете, вот уж сколько лет я посещаю Зоологический музей и всякий раз восхищаюсь исполнением. Ведь это животное превосходило своими размерами по крайней мере одну из каравелл Колумба. Знаете, поднимаясь по лестнице музея, и вдруг над тобой нависает челюсть кита, словно свод какой-нибудь Триумфальной арки. Клянусь, я мог бы посадить свой аппарат на спину этого животного! И вот возле грудной клетки кита я познакомился с провинциальным юношей туристом. Вы знаете, дружище Гена, я никогда прежде не встречал такого невежественного юноши. Он спросил, например, меня, где у кита располагаются жабры. Пришлось прочесть ему маленькую лекцию о морских млекопитающих. Когда мы вышли из музея, обнаружилось, что он присыпывает честь постройки Петербурга не Петру Великому, а Ивану Грозному. Ампир он называл готикой, кафтан липой, про Зимний дворец он сказал, что это, на верное, гостиница «Интурист». Я провел с ним целый день и открыл ему глаза на сотни вещей, о которых он имел совершенно неправильное представление. И лишь в одном месте юноша посрамил меня, в Музее музыкальных инструментов. Оказалось, что он великий знаток

флейт и знает всех мастеров этого инструмента, начиная от эпохи Возрождения, которую он, конечно, называл эпохой Извержения, и до наших дней. Тогда я рассказал ему историю моей «флейточки» и даже показал ему ее в моем аппарате. Он был моим гостем, и мы расстались друзьями, правда, потом уже не виделись: он уехал в свою провинцию.

— Как он назывался? — спросил Гена.
— Федя Говорушкин. Или Игорь Чекушкин. Что-то в этом роде.

— И вы не заметили в нем ничего странного?

— Ровно ничего странного. Обыкновенный юноша, только очень невежественный, — сказал Юрий Игнатьевич.

— А сколько лет было этому юноше, на ваш взгляд, дружище Юрий Игнатьевич?

— Вот! — вскричал старый авиатор, хлопая себя по лбу. — Как вы проницательны, дружище Гена! Возраст этого юноши был очень странен. Иногда он мне казался юношей восемнадцати лет, а иногда юношей лет сорока пяти.

— Вопросов больше нет, — сказал Геннадий, встал и медленно подошел к верзиле-блондину, который тоже смотрел на него, вытирая со лба капли холодного пота.

— Вы плохо себя чувствуете, сэр? — вежливо спросил мальчик, внимательно разглядывая щарм на щеке блондинка, похожий на след стрельбы племени «ибу».

— Пардон, пардон, мы вовсе незнакомы, молодой джентльмен, — забормотал верзила. — Я никуда не лечу, я просто провинциал из Аахена, просто зевака и сейчас немедленно убираюсь восвояси!

Он вскочил, выбросил в мусорную урну голубой транзитный билет, выбежал из здания аэропорта, упал в такси и был таков.

Геннадий не погнушался вынуть билет из урны и прочесть там имя владельца: «М-р Уго Ван Гуттен» — и направление: «Оук-Порт, Большие Эмпиреи». Конечно же, не имя интересовало Гену. Имя у таких персон — а Гена вспомнил эту персону — меняется каждый месяц. Его интересовало направление. Оук-Порт? Вот как? Надо быть настороже!

В это время объявили посадку на их самолет, и все они: Гена, мама Элла, папа Эдуард, бабушка, сестры Вертопаховы, Валентин Брюквин, Ю. И. Четверкин и референт общества «Альбатрос» Г. А. Помпозов — в числе прочих пассажиров погрузились в «Каравеллу», долетели до острова Маврикий, там погрузились в «Комет» и долетели до Мальдив, там погрузились в «Боинг» и благополучно долетели до Зурбагана, где их ждал немалый сюрприз.

Зурбаганский аэропорт в наши дни стал похож на ярмарочную площадь. Прошли те времена, когда из допотопных дилижансов высаживались здесь суровые шкиперы и штурманы, которые, дымя своими трубками, направлялись в морской порт, к своим парусникам, к своим сугубо таинственным и важным делам. Прославленный замечательным русским писателем Александром Грином город стал теперь прибежищем начинающей творческой интеллигенции всего мира, начинающих писателей, начинаю-

щих артистов, киношников, музыкантов, а также множества туристов и, конечно хиппи.

Все эти люди почему-то облюбовали для своих встреч летное поле и с утра до глубокой ночи толпились здесь, сидели за столиками импровизированных кафе, танцевали, пели, ссорились, мирились, а то и спали прямо на бетоне, завернувшись в непальскую кошму или маракканскую барабанную шкуру.

И вот среди этой публики наши путешественники заметили нетипичную фигуру. Два хиппи-рикши (один из них английский лорд, другой — сын парфюмерного короля) вкатили на аэродром коляску, в которой восседал не кто иной, как Адольфус Селестина Сиракузерс, бывший мясной индустрии и мультимиллионер, увезший из Ленинграда тот самый «сундучок, в котором что-то стучит», тот самый главный предмет всего нашего повествования.

Сиракузерс восседал в коляске словно символ всего мира эксплуатации. Он держал в толстенных пальцах великолепную сигару, временно тыкал пяткой в худые спины рикши и заглатывал голубые капсюли для своих внутренних процессов.

За ним еще с десяток хиппи толкали тележки с его барахлом — с огромными кофрами из крокодильей кожи и с медными застежками, молниями и углами. Вся процесия катила к самолету «ЯК-40» зурбаганской авиакомпании «Грин», к тому самому самолету, куда должны были погрузиться и наши путешественники.

— Где я? — спросил Сиракузерс у агента компании, сухопарого господина в треуголке с

плюмажем. — Где я и куда я? Скоро Нью-Йорк?

— Сэр, в соответствии с вашим билетом вы погружаетесь в самолет компании «Грин» для дальнейшего следования в Гель-Гью. Нью-Йорк в вашей дистанции не значится, сэр.

— Ах да, я лечу в Буэнос-Айрес через Панаму, — припомнил Сиракузерс.

— Отнюдь нет, сэр. Вы летите в Джакарту через Аделаиду с посадкой в Гель-Гью.

— Родные и друзья! — торжественно произнес Геннадий, обращаясь к делегации наших героев. — Как подсказывает мне интуиция, сейчас наступает кульминационный момент нашего приключения, и потому я исчезаю, если вы, конечно, не возражаете.

— Дружище сыны, ты гораздо опытнее всех нас в международных делах, и интуиция тебя никогда не подводила, — сказала мама Элла.

— Поторопитесь, товарищ Гена Стратофонтов, — сказал Грант Аветисович, — поторопитесь, пока я заполняю таможенные декларации и как будто бы ничего не вижу.

... «ЯК-40» авиакомпании «Грин» стартовал с зурбаганского аэродрома, словно прыгнув в высоту: короткий разбег, взлет, и вот он уже скрылся за цепочкой нежно-зеленых гор.

Сиракузерс очень удивился, когда увидел приставленное прямо ко рту дуло автомата.

— Пardon, я ничего не заказывал, — прорыдал он и полез было себе под галстук за таблеткой ориентации, но тут над его головой прогремел страшный голос.

— Ни с места, папаша, а то наглотаешься пуль!

Мясной король поднял глаза, увидел над собой каменную челюсть, сплющенный нос, черные очки, вспомнил молодость и понял: он в руках «ганга».

Прямо скажем, ничего особенного в самолете не происходило. По нынешним временам довольно обычна процедура. Два бандита держали под мушками экипаж самолета, пожилая леди в шляпе с лиловыми цветочками угрожала бомбой пассажирам, а четвертый бандит, самого устрашающего вида, адресовался лично к мультимиллионеру Сиракузерсу. Словом, происходил вполне тривиальный «хайдженинг», то есть угон самолета в неизвестном направлении.

— О-х-х, — зевнул пожилой коммерсант, сидящий рядом с бабушкой Стратофонтовой. — Я уже третий раз попадаю в такую историю, мадам. Когда работа разъездная, ко всему привыкаешь, но скучно, мадам, скучно... Люди разучились развлекаться. Реклама врет. Покупаешь чистое масло, а там на 30 процентов химии. Прошу прощения, я обычно сплю во время захвата самолета. Спящий, как пьяный, в него не стреляют...

Он закрыл лицо газетой «Ежедневное зеркало» и тут же захрапел.

Мария Спиридовна не сказала своему сордюни одного слова, да она его и не слушала. Она трепетала от возмущения. Всякий акт воздушного пиратства возмущал ее до глубины души в первую очередь как летчика по профессии и не в последнюю очередь как рядового человека. Лишь строгий взгляд Гранта Аветисовича остановил боевую женщину от решительных, но, пожалуй, не очень продуманных действий.

— Да, Мария Спиридовна, — посетовал товарищ Помпезов, — на фронте всегда знаешь, что делать; за границей — не всегда.

— Коллега, — возбужденно зашептал Юрий Игнатьевич Четверкин. — Это я вам, Мария Спиридовна. Во имя свободы мировой авиации я готов пожертвовать собой. Созрел план. Я жертвуя собой, а вы обезоруживаете мертвцев! Недурно?

— Юрий Игнатьевич, ваш план еще не созрел, — сквозь зубы прошипел папа Эдуард. — Прошу не торопиться.

Он сидел рядом со своей женой мамой Эллой, и в эти критические минуты супруги были до странности похожи друг на друга: и у альпиниста, и у парашютистки были в эти критические минуты одинаково суженные глаза, жесткий настороженный взгляд и одинаково напряженные позы. Спортсмены, родители Генадия, казалось, были готовы к прыжке.

Что касается молодежной части делегации, то она по-разному реагировала на происходящее. Валентин Брюкин, не меняя безучастного выражения лица, внутренне ликовал. Что там говорить, Брюкин Валя немного завидовал выпавшим на долю его друга приключениям. И вот теперь он сам, мальчик, впервые покинувший родной город, попал в такую блестательную передрягу. Появились великолепнейшие возможности для проявления героизма и для показа окружающим, включая сестер Вертопраховых, своего истинного лица, скрытого под маской непрерывного спокойствия.

Даша Вертопрахова помрачнела: новая встреча с «мафиози» напомнила ей недавние времена и ее жеманную и страшную «мамочку» мадам Накамура-Бранчковскую в ореоле ее фальшивой красоты.

Что касается чемпионки по художественной гимнастике, то она была совершенно спокойна. Во-первых, занятия спортом в обществе «Трудовые резервы» приучили ее к оптимистическому взгляду на мир. Во-вторых, она была уверена, что ее исчезновение не пройдет бесследно для цивилизованного мира, и уже через час корреспонденты затрутся о неприбытии самолета с ленинградской грацией в Гель-Гью, и поднимется такой шум, что бандиты испугаются и всех отпустят. И в-третьих, самое главное соображение она таила в глубине души и даже сама себе почти не признавалась, что надеется в основном на ловкость, храбрость и интуицию одноклассника, этого «несносного» Генки, который так таинственно исчез на аэродроме

Зурбагана. Где он? Где Гена? Эта мысль тревожила и всех членов нашей делегации.

Между тем самолет по приказу гангстеров изменил курс и летел в бескрайней синеве, где море сливалось с небом. Несколько часов в этой синеве не было никаких ориентиров другого цвета, за исключением отблесков солнца, и некоторым впечатлительным персонам из числа измученных пассажиров стало уже казаться, что они летят в пространстве какой-то иной планеты, где нет никаких признаков человеческой цивилизации.

Вдруг самолет круто пошел вниз, и справа по борту открылся остров, похожий очертаниями на Англию. Коммерсант, сосед Марии Спирidonовны, так и сказал, проснувшись и сняв с лица газету:

— А-а, уже Англия... ох-ох...

Одно из двух: или коммерсант был малограммом человеком, или еще не совсем проснулся — ведь Англию целиком можно увидеть только из космоса.

Этот остров был, конечно, не Англия. Это был крошащийся тропический островок со всеми обязательными атрибутами: остроконечной горой, густо-зелеными джунглями, широкими песчаными пляжами и бордюром снежно-белого вечного прибоя.

Когда-то, еще в пятидесятые годы, когда ртуть холодной войны упала до весьма опасных пределов, одна из великих держав начала здесь строить секретный аэродром, но потом вдруг ртуть подскочила, и стройка остановилась. Культурные обмены требовали все новых

На такую полосу и нацеливался сейчас захваченный самолет, вернее, на нее нацеливались в первую очередь «хай-джекеры», но так как их оружие было нацелено в затылки пилотов, то пилоты выполняли приказание и нацеливались на полоску бетона, пробитого во многих местах мощной тропической растительностью.

Маленький реактивный лайнер погасил скорость и остановился целый и невредимый в нескольких метрах от пучка мощных кокосовых пальм, столкновение с которыми грозило несомненной гибелью.

Преотвратительный толстяк в расписных гавайских плавках, сидящий в шезлонге под одной из этих пальм, посмотрел на часы «ролекс» (благородное швейцарское изделие охватывало волосатое бандитское запястье), глотнул из горлышка черной окинавской водки и промычал удовлетворенно:

— Чистая работа. Минута в минуту.

Те из читателей, кто предварительно прочел книгу «Мой дедушка — памятник», без труда узнали бы в отталкивающем толстяке Латтифудо. Выбравшись каким-то чудом с Больших Эмпиреев и избежав гнева народа, он через месяц и думать забыл, что был одним из отрицательных героев той книги, угрязнений советы на испытывали.

Вместе с Латтифудо под сенью пальм в шезлонгах сидело еще несколько «дженльменов», и, кроме кавычек и плавок, на этих джентльменах тоже ничего не было.

Между тем самолет заглушил свои двигатели, открылся люк и оттуда прямо на бетон, словно неодушевленный предмет, был выброшен мультимилионер Сиракузерс. Он шмякнулся, распростерся и так и остался лежать на раскаленном бетоне, кряхтя, стеная и бормоча себе под нос:

— Больше никогда, никогда, никогда не буду заказывать себе финскую баню!

Вслед за этим из самолета вытолкнули членов экипажа, включая двух стюардесс.

Затем открылся люк багажного отделения и из самолета было выгружено бараахло Сиракузерса — семь огромных кофров из крокодильей кожи с углами и застежками из цветных металлов.

Вслед за этим на бетон выпрыгнули «хай-джекеры», все четверо, включая старушку в шляпке с лиловыми цветочками. Последняя сразу сбросила свою старушечью шляпку и рассыпала по плечам рыжую густую гриву. Затем она очень ловко выскоцила из старушечьего костюма и оказалась в пляжном костюме «бикини».

Буда Флауэр, а это была именно она, приблизилась к распростертыму Сиракузерсу, взяла его за шиворот и легко потащила покрывающее тело — это сто пятьдесят-то кг! — по бетону к пальмам.

и новых средств, в конгрессах стучали кулаками на генералов, а тропическая растительность пробивалась сквозь бетон законсервированных взлетно-посадочных полос.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

— Кресло сеньору Сиракузерсу! — Латтифудо положил руку на колено Сиракузерса, от чего колено задрожало. — Милый Адольфус Селестина, ты не пленник ведь мой, ты наш гость дорогой. Чего хочешь?

— Хочу таблетку «ксеркс» от дрожания, — промычал Сиракузерс.

— Дай ему таблетку, Эль-Гриди! — попросил Латтифудо через плечо, и один из его подручных ребром ладони огrel Сиракузерса по загривку.

— Массаж никто не заказывал! — рявкнул Сиракузерс, да так грозно, что все без исключения вздрогнули. Все-таки в конце концов они не что иное, как прислужники людей типа Сиракузерса, и грозные интонации своих хозяев они знают преотлично.

— Мистер Сиракузерс, вы уж не обижайтесь, — почти унижаясь, сказал Латтифудо, — мы тут малость одичали в джунглях, вас дожидаются. Вот и Эль-Гриди, добирший ведь малый, но малость одичал. Говоришь ему: дай

таблетку, а он сразу по шее! Сами посудите, откуда у нас здесь таблетки «ксеркс», откуда манеры? Милейший Адольфини, ведь нам от вас очень мало надо. Вы нам только скажите, дружище, в каком из номеров вашего багажа лежит сундучок, и все ваши остальные вещицы будут в сохранности. Ну-с, Селестиночка, в каком?

— В третьем, — ответил Сиракузерс, совершенно не понимая, чего от него хотят на пляже Копакабана. Честно говоря, он уже забыл, что он руках «ганга» и полагал себя в Рио-де-Жанейро.

— Браво! — восхлинули бандиты. — Вот это парень! Ай да Сиракузерс! Понимает, что игра проиграна, и не темнит!

Двоих бандитов не выдержали, побежали к третьему кофру и приложили к его крокодильему боку свои мозолистые уши.

— Стучит! Ей-ей, стучит! — возбужденно завизжали они. — Ребята, там что-то стучит. Ура! Виктория! Победа! Эй, Фуллос, тащи отмычку!

— На место! — рявкнул Латтифудо и строго повернулся к Бубе. — А где же Лестер Тиу-Чан? Остался в самолете?

— Лестер Тиу-Чан не прилетел из Парижа, — ответила авантюристка. — Подозреваю, что сгрусили.

— У нас руки длинные, — зловеще сказал Латтифудо. — Кто в самолете?

— Обычная публика, кроме... одной деле... — начала было Буба, но вдруг все на острове услышали низкий свистящий звук. Сомнений не было: так свистят при запуске реактивные двигатели. Бандиты вскочили, расхватали оружие и бросились к самолету. Поздно! Люки «ЯКа» были задраены. Самолет медленно разворачивался среди пальм и кустов, которыми прослала бетонная полоса за годы консервации. Автоматные очереди уже не могли ему помешать. Он выбрал удобное место, прицелился, стартовал и буквально через три минуты растяпал в густой океанской синеве.

— Ослы! — завизжал Латтифудо. — Вы остались там кого-то из экипажа?

— Всё они здесь, — прорычала сквозь зубы Буба Флауэр. — Наверное, среди пассажиров был летчик. Там был один, он спал, закрывшись газетой, наверное летчик. Мне все время хотелось в него выстрелить, но вот не выстрелила. Ничего, далеко не улетят. У них пустые баки.

— На сколько там осталось горючего? — рявкнул Латтифудо и ткнул пистолетом в грудь командира экипажа, привязанного к пальме так же, как и остальные летчики и обе стюардессы.

— К сожалению, всего на тридцать минут, — проговорил командир и закрыл глаза, не в силах уже смотреть на рожи воздушных пиратов. Он знал, что его прикончат через несколько минут, так зачем же эти несколько минут оскорблять свои глаза зреющим недостойных людей? Лучше уж вспомнить что-нибудь яркое, пре-

красное, а этого яркого, прекрасного было довольно много в жизни летчика-зурбаганца.

— А рация? — взвизгнул Латтифудо. — Они сейчас на весь мир раззвонят про наше логово!

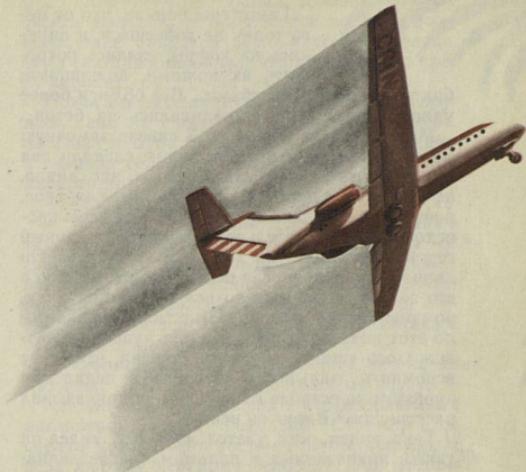
— Не волнуйся, Латтифудо, — хихикнула Буба Флауэр. — Рацию я того... — она показала стволом автомата, что она сделала с рацией.

— Крошка, — ласково сказал Латтифудо.

— Пупсик, — сказала Буба.

Они успокоились и принялись потрошить третий номер из багажа короля мясной индустрии.

Там оказались странные вещи: чучело фламинго, макет города Порту-Алегру, три пары протертых от старости боксерских перчаток, картонная коробка с пакетами вермишелевого супа, дурная копия знаменитой на весь мир картины «Опять двойка!», горностаевая мантия 27-го по счету герцога Рухтенштейна, чучело опоссума, несколько рулонов пипифакса с видами юго-западных Альп, шина грузового автомобиля «Даймонд», макет книги с надписью: «Любите книги — источник знаний», полный комплект рыцарских доспехов, три конских хвоста, круглая и закрытая со всех сторон емкость, внутри которой плавали целлюлоидный лебедь, три пластмассовых рыбки, цветы

и девочка-крошка; были здесь также турецкие туфли, кальян, примус, кремневое ружье, мешочек сухофруктов и макет Останкинской телебашни. Не было здесь только «сундука, в котором что-то стучит».

— Это что такое, папаша? — ласково спросил Эль-Гриди на ухо Сиракузера. — Ты над нами подшучивать решил? Учи, на этом острове нет ничего, но на нем есть очень хороший музей. Музей орудий пытки, папаша!

Мультимиллионера вытащили из шезлонга и стали подтягивать и привязывать к пальме. Это ему неожиданно понравилось, он хихикал, смущенно крутил шеей, жмурился от удовольствия. Потом он вдруг увидел разбросанные вокруг вещи из своего третьего номера и разрыдался.

— Реликты! — воскликнул он сквозь слезы. — Реликты памяти! Память странная вещь, господа! Например, эта шина для вас ничего не значит, а для меня это целая веха — память о первом представлении оперы «Флория Тоска» в театре маэстро Калья, где я сидел в генеральской ложе вместе с Лючией фон Адью, которая тогда являлась...

— Где сундучок, в котором что-то стучит? — взревело сразу несколько глотов, и несколько новеньких, похожих на зубоврачебные инструменты орудий пытки приблизились к телу мясного короля.

— Везде! — восторженно сквозь слезы вдруг ожившей памяти сказал Сиракузер. — Везде что-то стучит, господа, везде стучит память, как пепел кого-то стучал когда-то в чьето что-то. Уберите, уберите, господа... золотые двадцатые годы... старый дружище Аль-Капонэ... дубль-хуч... пулепробиваемые автомобили... чарльстон...

Гангстеры поняли, что от него толку не добьешься, и ринулись на кофры, взялись потрошить их ножами, ножницами, бритвами, ногтями, зубами... Все более и более удивительные вещи вываливались на бетон...

Между тем из кофра № 7 сквозь замочную скважину на всем происходящем следили два серых внимательных глаза. Что ж, вас, видно, не проведешь, дорогой читатель: вы, наверное, давно уже догадались, что из № 7 за всем происходящим внимательно следил наш главный герой, неустранимый Гена Стратофонтов. Он давно бы уже представил перед бандитами, ибо в его голове давно уже созрел блестящий план, но присутствие господина Латтифудо подрезало этот план на корню. А вдруг чудовище разложилось еще не до такой степени, чтобы не вспомнить мальчика, которого в недалеком прошлом на острове Карбункул он приказывал расстрелять? Вдруг он вспомнит?

Гена видел, как улетел «ЯК-40», видел он также привязанных к пальмам членов экипажа и понимал, что самолет подняли в воздух два его любимых ветерана авиации — бабушкина и Юрий Игнатьевич. Сейчас ему предстояло решение: а) можно незаметно выскошьнуть из кофра № 7, спрятаться среди «реликтов памяти», а потом улизнуть в джунгли и оттуда уже

предпринять партизанские действия, б) с жутким воем и клекотом выскочить из № 7, схватить автомат, освободить пилотов зурбаганского аэро и атаковать преступников, в) ...вариант «в» был невозможен в присутствии Латтифудо.

Внезапно Гена понял, что объекта столь страстных поисков, т. е. сундука, в котором что-то стучит, вообще нет среди багажа Адольфуса Селестины Сиракузерса. Бандиты выпотрошили уже все кофры, за исключением того, в котором прятался сам Гена, а здесь — мальчик готов был поклясться — ничего не стучало, кроме его собственного сердца. В седьмом кофре буйвала мясной индустрии таились, вероятно, реликты самой глубокой памяти богача, ибо все вокруг было мягкое, трухлявое и не очень приятно пахнувшее. Открытие это, надо сказать, обескуражило и Геннадия, ведь именно ради сундука, ради этого исторического достояния эмпирейского народа мальчик и застался в багаже миллиона.

Итак, вариант «а»... нет, уже поздно — бандиты с ножами, молотками и пилами приближались к последнему кофру. Итак, значит, единственное, что осталось, это вариант «б» — «с жутким воем и клекотом...»

Вдруг из пальмовой рощицы, отделяющей заброшенный аэродром от бухты, раздался

низкий звук, похожий на сирену катера береговой охраны. Бандиты встрепенулись, Латтифудо бросился разыскивать свои шорты и рубашку. Он страшно волновался, а верный Эль-Гриди прыскал в его волнующийся рот освежающей жидкостью «Одорон».

— Буба, осталась за главного! — крикнул Латтифудо. Он суетливо застегивал пуговицы своего костюма и всякий раз вздрагивал, когда из-за пальмовой рощи доносились новые гудки. — Сюрприз, — бормотал он, — вот так сюрприз, прибыли раньше времени... ой, беда... шкуру снимут... Шкуру сниму! — рявкнул он вдруг на Бубу. — Ищите сундучок! Шкуру снимите с Сиракузера! Ищите!

Он вытащил из кустов мопед с маленькими колесами, прыгнул на седло, заработал ногами и замелькал среди пальм с живостью, которой мог бы позавидовать сам Микки Маус.

— Хочет на нас все переложить. Подхалим, — сказала ему вслед Буба, — попадешься мне как-нибудь в руки!

Гена и опомниться не успел, как разъяренная «авантюристка» раздвинула в кофр № 7 свой автомат! Добрых полсотни пуль прошли кожаный контейнер в двух-трех сантиметрах над головой нашего героя. Мальчик усмехнулся. Вступал в действие вариант «в».

Подобно герою классической сказки, Генна-

дий Стратофонтов поднял головой крышку своего убежища и выпрямился во весь рост. Изумление бандитов было настолько велико, что Гена даже пожалел, что не применил сразу вариант «б».

Почти все забыли от изумления о своем оружии. Гена же спокойно выпрыгнул из кофра, подошел к Бубе Флауэр, щелкнул каблуками и склонил голову с четкой галантностью при мертвого колледж-боя.

— Добрый вечер, мисс!

— Кто вы? — пробормотала эта супердива в таком смятении, что если бы Гена ответил: «Я сундучок, в котором что-то стучит», она наверное поверила бы — таким загадочным, фантастическим показалось ей появление среди старой рухляди здорового, стройного мальчика с веселыми и спокойными глазами.

— Очень красивый костюм, мисс, — сказал мальчик. — Отдаю должное вашему вкусу.

Каково самообладание! На беззуборизненном английском языке Геннадий Стратофонтов сделал комплимент костюму Бубы Флауэр, а ведь любому нервному человеку этот костюм показался бы почти полным отсутствием костюма.

— Вы находитесь? — кокетливо спросила Буба. Комплимент всегда подбодрит женщину. Взбодрилась и авантюристка и, взбодрившись, достала из своего антикостюма маленький пружинный нож, из которого после еле слышного щелчка выскоцило узенько лезвие.

— Кто вы такой, хорошенький мальчик-сундучок? — ласково спросила она.

Узенько жало спринг-найфа описало малую окружность вокруг носа нашего пionера. Бандиты окружили Геннадия.

— А вы спросите у сеньора Сиракузера, — спокойно и весело ответил мальчик.

— Эй! — крикнула Буба через плечо. — Эй, ты, мешок с паштетом, кто этот чудо-бой?

— Ах, вам не понять этого, господа, — всхлипнул погруженный в свои воспоминания Сиракузер. — Кто из вас помнит удар по бирже крупного рогатого скота в Буффало-спрингс ранней весной тридцать девятого года? Для вас это история, а для меня — запах спрени, легкий ветерок...

— Я секретарь-машинистка сеньора Сиракузера, — сказал Гена. — Он диктует, я пишу.

Бандиты захотели.

— Толково! Каков старичок! Секретаря в багаже возит!

— Экономия на билетах, — пояснил Гена.

Сиракузер расплакался.

— Чем богаче человек, тем жаднее, — сказал с пониманием матерый Эль-Гриди. — Ух, эксплуататор!

— Этот мальчишка действительно ваш секретарь? — прошипела авантюристка.

— Увы, — сказал Сиракузер. — Вы не ошиблись, баронесса, этот юноша — мой секретарь еще со временем двенадцатых Олимпийских игр.

— Тогда, — Буба Флауэр повернулась к Гене, — господин секретарь, извольте достать из того чемодана, где вы прятались от авиакомпаний, тот предмет, который мы ищем.

— А, этот сундучок, в котором что-то стучит? — с деланным равнодушием спросил Геннадий.

— Этот, этот! — радостно взревели преступники.

— Это тот самый сундучок, который ваш представитель купил, вернее, украл у какого-то старого чудака в каком-то северном городе, вроде бы в Ленинграде, для моего хозяина и в котором что-то постукивает? — невинно спросил Гена.

— Да! Да! — завопили бандиты. Их начала бить сильная нервная дрожь.

— Он там на самом дне, под бельем школьного периода, — небрежно сказал Гена. — Лезьте сами, ребята!

Сказав это, он молниеносным приемом самбо швырнул на бетон авантюристку Бубу Флауэр и завладел ее оружием — пружинным ножом.

Все было рассчитано точно. Бандиты, охваченные ажиотажем, даже не заметили нападения на свою атаманшу. Они все скопом бросились к № 7 и ринулись внутрь, выбрасывая какие-то истлевшие боа, шляпы, шелпанцы и тому подобное. Геннадий же со спринг-нейфом бросился в другую сторону. В мгновение ока он перерезал пути и освободил экипаж «ЯКа-40» компании «Грин» — трех пилотов и двух стюардесс.

— Хватайте оружие, ребята! — крикнул он им. — Без команды не стрелять!

Буба Флауэр немедленно подняла руки вверх, как только увидела направленные на нее автоматы. И кокетливо улыбнулась: я, дескать, здесь просто купальщица, просто прелестная незнакомка, обычная звезда экрана, не более того...

Из № 7 полетело наконец белье школьного периода и послышался жуткий вой десятка глоток:

— Ничего! Там нет ничего!

Бандиты обернулись и тут же подняли руки вверх. Экипаж зурбаганского аэро оказался людьми не робкого десятка. Даже стюардессы сжимали в своих руках оружие, как настоящие солдаты.

Быть может, не все нашиуважаемые читатели знают одну непреложную истину: бандиты трусливы. Теперь пусть знают все: бандиты храбры лишь при нападении на безоружных и не ожидающих нападения людей. При малейшем сопротивлении бандиты, блатари, всякая там шпана начинают немного трусить. Вот и сейчас еще недавно грозные «хайджекеры» дрожали от страха, глядя на свои недавние жертвы. Меряя всех своей меркой, они ждали мести.

— А ну! — сказал Геннадий на своем безукоризненном английском. — Все полезайте в чемоданы!

Бандиты дважды себя упрашивали не заставили и мигом разместились в сиракузерских комоданах, где поодиночке, а где и по двое.

— Давайте быстренько познакомимся, — предложил Гена своим соратникам и, как воспитанный мальчик, в первую очередь поклонился стюардессам. — Меня зовут Гена Стартфонтов.

— Ой, неужели это вы? — вскричали девушки. — Мы вас знаем, мы читали! Мы даже не мечтали познакомиться! Какое счастье!

— Однако простите! — вскричали они.

— Меня зовут Гала!

— А меня Акс!

— Гала и Акс! Очень приятно!

— Фил! — представился один пилот.

— Зит! — представился второй.

— Эсп! — отрекомендовался третий.

Быстро познакомившись, эти смелые люди закрыли все кофры Сиракузера, защелкнули все застежки, затянули все ремни, а кое-где всунули задвижки из пальмовых ветвей.

— Браво! — захочат вдруг все еще неотвязанный Сиракузер. — Кто это все устроил? Опять «Интернейшнл миллионер сервис»? Молодцы! Все было, как в жизни, даже больно. Я был абсолютно убежден, что я в руках «ганг-га», до этого комического номера с чемоданами. Браво, господа! Финал великолепный! Все сцены будут оплачены по предъявлению.

Увы, сеньор Сиракузер, до финала было еще далеко. За пальмовой рощей послышались громкие голоса, резкий смех, шаги большой группы людей.

Гена сделал знак своему отряду и побежал к цветущему кустарнику, окаймлявшему летное поле. Фил, Зит, Эсп, Гала и Акс бросились за ним. Не успел маленький отряд укрыться в кустах, как большой отряд вышел из пальмовой рощи на бетон. Теперь наступила очередь Гены открыть рот от изумления. Впереди отряда шла... она... женщина-чудовище мадам Накамура-Бранчковска, которая в конце предыдущей книги рухнула на своем самолете в воды Эмпирейского пролива и лопнула, как один из пузьрей земли, о которых писал еще Великий Потрясающий Копьем.

в которой
приносится жертва
океанскому богу
Де Винду

— Отличная машина. Ах, какая великолепная машина, — приговаривал Юрий Игнатьевич, сидя за рулем «ЯКа-40». Старый авиатор явно наслаждался.

Мария Спиридовна между тем тревожно смотрела на приборы и озирала по-прежнему безжизненный простор.

— Юрий Игнатьевич, — проговорила она, — практически можно сказать, что у нас кончилось топливо. Мы летим на нуле.

— Да? Жаль! — легкомысленно реагировал на это сообщение Четверкин. Он улыбнулся. — А все-таки, дружище товарищ, я счастлив, что мне довелось сесть за руль реактивного аппарата!

— Юрий Игнатьевич, через пять минут мы начнем падать, — сказала бабушка Стратофонта.

— Зачем нам падать? Попробуем планировать. Мне кажется, что я смогу планировать на этой машине.

— Юрий Игнатьевич, ведь это вам не «фарман»!

Старик вдруг выключил двигатель. Мгновенная тишина. Крик ужаса в салоне. Самолет клюнул носом вниз, левое крыло задралось... и вдруг — как будто лошадь взяли в вожжи — нос приподнялся, крыло выровнялось, самолет плавно заскользил вниз, как лыжник по пологому склону.

Мария Спиридовна посмотрела на пилота. Четверкин сидел, подавшись вперед, руки со вздувшимися жилами крепко держали руль, лицо обострилось, даже морщины как будто сгладились, он даже стариком в этот момент не выглядел, а был совсем молодым. Вот тут штурман бомбардировочной авиации М. С. Стратофонта поняла, что пилот такого класса даже она никогда не встречала. Это был даже и не «класс», это было то, что в старину называли «божьей милостью».

Четверкин включил двигатели. Они заработали ровно, хотя и питались самыми последними каплями бензина.

— Видите? — не без мальчишеского бахвальства спросил авиатор.

— Что ж, — сказала бабушка Стратофонта, — на комплименты нет времени. Старайтесь протянуть подальше. Вам не кажется, что на горизонте что-то темнеет?

— Нет, не кажется, — сказал Четверкин. — Увы, не кажется, а у меня зрение стопроцентное, дружище товарищ.

— Что же получается? Будем садиться в море? — спросила стоявшая в рубке мама Элла.

— Есть другие предложения? — поинтересовался Четверкин.

— Других предложений нет, — сказал папа Эдуард. — Здесь, в воздухе, гораздо меньше вариантов, чем в горах. Надо раздать пассажирам спасательные жилеты.

— Правильное предложение, — одобрил Помпезов Грант Аветисович.

В самолетах, совершающих рейсы над океанами, в программу сервиса обязательно входит спасательный жилет для каждого пассажира. Они хранятся в маленьких контейнерах под креслами. Перед падением в океан всем

рекомендуется надеть спасательный жилет оранжевого цвета. Оказавшись в воде, вы держите шнурок, и сжатый воздух мгновенно заполняет ваш спасательный жилет и поддерживает вас на поверхности довольно продолжительное время. Это явление избавляет вас от чувства заброшенности, затерянности в необозримых водах океана. Пока жилет действует, вам все еще кажется, что авиакомпания обслуживает и опекает вас. Жилет может даже предоставить вам одноразовое питание в виде питательного тюбика в специальном кармашке. Впрочем, если вы опытный человек, вы растянете тюбик на три раза и таким образом выиграете время. Конструкторы жилета подумали и об акулах. Акул очень много в южных морях. Неистребимое любопытство — главное свойство этих тварей. При попадании в их среду постороннего тела (в данном случае это вы) акулы во множестве собираются вокруг вас и плавают рядом, сгорая от любопытства, но внешне как бы безучастные. Вы, бедняга, волнуетесь, видя плавники акул, хотя, возможно, акулы и не собираются вас жрать, а лишь удовлетворяют свое любопытство. Однако, волнуясь, дружище бедняга, не забывайте о «противоакулине», которым снабжен ваш спасательный жилет. Вы держите другой шнурок, и в воды океана вспыхивает темная жидкость, которая почему-то очень неприятна акулам. Неизвестно, что происходит с акулой, когда она сталкивается с «противоакулином», то ли она чихает, то ли у нее что-то чешется, но только она уплывает, оскорблена в лучших чувствах.

Пока не рассосется «противоакулин», по крайней мере часов пять-шесть, вы можете чувствовать себя в полной безопасности, дружище бедняга. Постарайтесь извлечь максимум удовольствия из этих часов, качайтесь себе на волнах и вспоминайте яркие моменты своей жизни.

Так, или примерно так, утешала Даша Вертопрахова пассажиров, когда помогала им застегнуть на спине зипперы спасательных жилетов. Между тем сестра ее, знаменитая грация европейских помостов, утешала пассажиров своими упражнениями с лентой. Легкими скаками она проносилась по проходу между кресел, а однажды в результате маневров Юрия Игнатьевича в самолете на миг возникло сопоставление невесомости и грации из «Трудовых резервов» буквально проплыла над пассажирами, утешая их английским голосом:

— Не волнуйтесь, товарищи леди и джентльмены! Нет никакого сомнения, что пресса уже поставлена на ноги! Нас ищут!

Валентин же Брюкин неожиданно для всех взял на себя обязанности стюарда и утешал пассажиров ломтиками дивной ветчины, кучками зернистой икры, корешками нежной спаржи и минеральной водой из запасов компании «Грин».

— Ю хэв ту ит сам дилишэс мил бифо бас- (кончик языка между передними зубами!)

бат... бат... инг! — Что можно перевести примерно следующим образом: «Давайте малость подзаправимся перед купанием!»

Как видим, все наши героя проявляли удивительное самообладание перед лицом тяжелейших испытаний.

Междудем тем «ЯК-40», планируя, приближался к водной поверхности. Волнение в 2–3 балла, то есть привычное состояние океана, уже сделало бы невозможным посадку реактивного лайнера (хоть и маленького) в океан. Удар дыбы небольшой волны под крыло перевернулся бы этот аппарат, отнюдь не приспособленный для морских путешествий.

На счастье, был совершенно необычный для этих широт штиль, и Юрий Игнатьевич мягко, почти без брызг, посадил машину на грудь великого океана. Теперь они чуть-чуть покачивались. Это все было к счастью, а вот, к несчастью, вокруг не было ничего: ни дымка, ни паруса, никакого намека на близость земли.

Из пилотской кабины вышел папа Эдуард, стройный, спокойный, почти веселый.

— Дамы и господа, друзья, товарищи! — обратился он к пассажирам, учитывая их разнородный состав и принадлежность к капиталистическим, социалистическим и развивающимся странам. — Нам придется покинуть самолет. Сейчас мы держимся на поверхности благодаря герметичности нашей машины и благо-

даря штилю. Однако при малейшем изменении погодных условий мы перевернемся. Вот такие дела, ребята. Главное, без паники. Мы находимся на пересечении главных грузовых трасс. Не пройдет и часа, как мы будем подобраны каким-либо коммерческим судном.

— Без сомнения, — добавил Грант Аветисович.

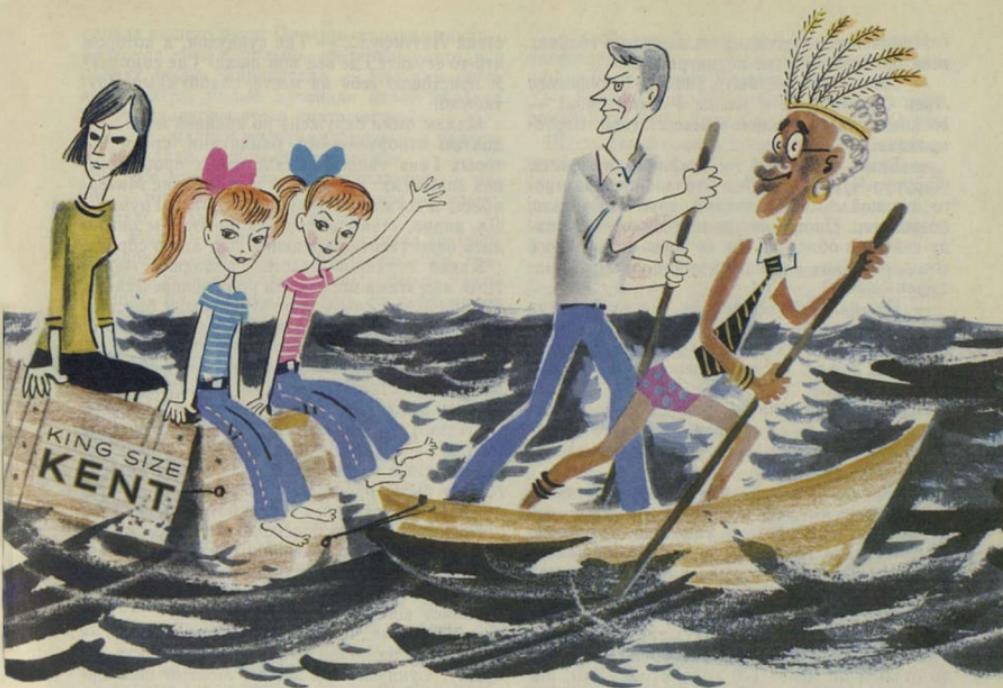
Ради сохранения спокойствия на борту, папа Эдуард, конечно, немножко покривил душой. Они находились не на пересечении трасс, а наоборот — в некотором, а точнее — в недосыпаемом удалении от этих самых трасс, в безнадежно глухом углу океана.

Сестры Вертопраховы и Валентин Брюквин для поддержания духа среди пассажиров запели песенку «Антошка-Антошка, пойдем копать картошку».

Неожиданно их поддержали. Английский пастор запел веселую песенку Армстронга «Когда святые идут в рай». Чех завел песню из фильма «Старики на уборке хмеля». Индус что-то из репертуара Раджа Капура... Все нации доказали способность к испытаниям.

Открыли люк. Ласковый океан колыхался в полуметре от люка, а однажды даже лизнул подошвы папы Эдуарда и обдал его теплыми солеными брызгами.

— Друзья, а почему бы нам не соорудить импровизированный плот?! — вскричал Юрий

Игнатьевич Четверкин, который вообще чувствовал себя на вершине блаженства в связи с таким замечательным приключением, и единственное, о чем жалел, — об отсутствии своего юного дружищи Гены. — В самолете есть множество предметов для сооружения импровизированного плота! Эх, жаль, дружищи товарищи по несчастью, жаль, что отсутствует наш милый Гена с его острым умом!

Вдруг! Какое, правда, чудное взрывное слово «вдруг» и как бы без него обошлись мы, писатели приключенческих писаний! Вдруг в небозримом океане, в слепящем медном сиянии закатного уже солнца, появилась черная отчетливая точка.

— Уж не Генаша ли? — подумали бабушка, мама и папа. — Момент подходящий для его появления.

Все пассажиры заметили точку и теперь следили за ней с надеждой и тревогой. Точка быстро росла, она по огненно-медной дороге неслась к ним, прямо к ним, да, она направлялась прямо к севшему в океан самолету.

Вскоре уже можно было разглядеть стремительные контуры полинезийского каноэ, с противовесом по правому борту, и тонкую фигурку с веслом, стоящую на корме.

Прошло еще несколько минут, и каноэ приблизилось к самолету. Бесстрашный мореплаватель оказался высоким сухощавым челове-

ком с гривой седых волос и молодецкими подкрученными усами. Одет он был довольно странно для путешествия на каноэ через океан. Туалет его составляли наряду с яркими плавками солидная сорочка, какую обычно надевают под пиджак, и строгий английский галстук с диагоналями. Под седыми волосами и коричневым лбом на плоском полинезийском носу сидели профессорские очки.

Итак верхняя половина незнакомца выглядела чрезвычайно респектабельно, интеллигентально, нижняя же половина с ее босыми и острыми в ссадинах и кровоподтеках коленками выглядела чрезвычайно нереспектабельно, обычной нижней половиной обычного тела обычного полинезийского рыбака.

— Бон суар, медам и месье, — сказал незнакомец на понятном французском. — Я видел, как вы садились в океан. Разрешите свидетельствовать уважение вашему экипажу. Не могу скрыть своей радости, видя вас всех в добром здравии. Добро пожаловать, господа!

— Кто вы? — вскричали все присутствующие на борту «ЯКа-40».

— Простите, что сразу не представился, — чуть поклонился незнакомец и тут же перестал быть «незнакомцем». — Я вождь племени Фуррура с атолла Чуруруа. Мое личное имя Фуррура Чуруруа. К вашим услугам.

Молниеносная догадка мелькнула в головах всех присутствующих ленинградцев.

— Да вы, должно быть, знаете Цитронского Льва Степановича с улицы Рубинштейна! — воскликнула на родном языке Наташа Верто-прахова.

— Боже ж ты мой! — вскричал по-русски Фуруура Чуруура. — Лев Степанович уже много лет мой лучший заочный друг! Позвольте, позовите... Прошу не удивляться, если я упаду сейчас в обморок. Уж не имею ли я дела с соседями Льва Степановича господами Страстофонтышами?

— Не падай в обморок, месье Фуруура Чуруура, это мы! — сказал папа Эдуард, спрыгнул из самолета в каноэ и поддержал интеллигентного вождя, который все-таки немножко упал в обморок.

Все ликовали: значит, рядом где-то лежит атолл, значит, они спасены! Оказалось — ликование преждевременное: до атолла было не менее 250 километров.

Оказалось, что Фуруура Чуруура совершает путешествие со своего атолла, где жило его племя (или, если угодно, семья) в количестве 87 человек, на другой атолл, у которого даже и имени не было и который значился в лоциях под обозначением Г.Ф.-39 и где жило племя в количестве одного человека. Оказалось, что вождь покрыл уже около двух третей пути, но и до атолла Г.Ф.-39, по его соображениям, было отсюда не менее 120 километров. Увы, ration в каноэ не было. Рация слишком тяжела для утлого суденышка. «Что ж, господа, не будем тогда терять времени зря и постараемся добраться до атолла Г.Ф.-39 своими средствами! Во всяком случае, благородный вождь гарантировал беднягам, что будет с ними до конца и в случае необходимости погибнет вместе.

Впереди двигалось каноэ с двумя гребцами, Фуруура Чуруура и папой Эдуардом. За ним на баксире тащился невероятный импровизированный плот, сооруженный из самолетных кресел, ящиков из-под кока-колы и опустошенных чемоданов. На плоту сидели женщины и дети. Сильные пловцы-мужчины во главе, конечно, с Валентином Брюквиным помогали гребцам буксировать это странное сооружение.

Фуруура Чуруура укокошил велслом солидную рыбу и принес ее в жертву богу погоды Де-Винду, и тот в лице одного из равнодушных альбатросов тут же эту рыбу пожрал. Фуруура Чуруура повеселел: если Де-Винду будет снисходительным, предприятие имеет несколько шансов на успех.

— Что все это значит? — зловеще медленно проговорила мадам и повернула свой надменный подбородок к уже дрожащему в ожидании

стека Латтифудо. — Где сундучок, в котором что-то стучит? Где все мои люди? Где самолет? Я пристрелю тебя на месте, слабоумный Латтифудо!

Мадам была окружена по крайней мере двадцатью отборнейшими бандитами, среди которых Гена увидел немало своих прошлогодних знакомых: здесь были и полковник Мизераблес, и сержант Пабст, и Буллит, и Грумло... Да, видно, стены эмпирейской тюрьмы оказались недостаточно крепкими для этого сброва.

Какой странной властью обладала мадам Н.-Б. над этими подонками рода человеческого. По одному ее слову они готовы были броситься и растерзать любого. Сейчас они были готовы броситься и растерзать Латтифудо.

— Любимая, прелестная, величественная! — воскликнул Латтифудо, падая на колени и простирая руки (ну просто персонаж античной трагедии!). — Самолетик, увы, улетел по вине нашей Бубочки, Бубочки Флауэр... увы... Наша лодка здесь, здесь, куда же им деться? Может быть, просто погулять пошли? А сундучок — он оставался в седьмом номере. Там!

Буллит и Грумло подскочили к седьмому номеру, сбили с него замки и извлекли на свет божий еле живую от страха супердиву Бубу Флауэр. К коленопреклоненному мужчине привалилась коленопреклоненная дама.

— Любимая, прелестная, величественная! — трагически возопила она. — Мы попали в ловушку! Сундучка нет нигде! Ловкий несовершеннолетний авантюрист посадил нас всех в чемоданы и скрылся!

Оживший монстр в женском облике испустил нечеловеческий вопль. Забыв о колено-преклоненных, мадам совершила прыжок в сторону. Прыжок, достойный молуккской пантеры, и вплотную приблизилась к хохотовшему что есть мочи Сиракузерсу.

— Ой! — закричал он. — Пощадите! Я его где-то забыл! Я где-то потерял сундучок, в котором что-то стучит!

— Сколько извилин шевелится в твоем мозгу? Ты хуже самого старого вола из твоих бесчисленных стад! — кричала, теперь уже без всякого «демонизма», а совсем как рыночная торговка, мадам и совала свой пистолетик в огромную перезрелую клубнику, то есть в нос господина Сиракузера. — Изыянная аристократка, вместо того чтобы наслаждаться искусством и цветами, взвалила на свои хрупкие плечи всю тяжесть операции «Сундучок». Она ряжалась в несвойственные ей личины агента «И-М-С», старика-антиквара, дворничихи в большевистском Петрограде! Каким опасностям подвергалось нежное существо, отприск древней французской фамилии! Весь гениальный план: высадка на Г.Ф.-39, обман мультимиллионера, проникновение в Россию, подсование сундучка в багаж мультимиллионера, захват зурбаганского лайтера — все рухнуло! Спидвижники, товарищи мои, борцы за великую океанскую идею, мы так же далеки от кассиопейских сокровищ, как в самом

начале нашего пути! Плачете, сподвижники! — рявкнула она и, только убедившись, что все плачут, снова запричитала. — Что нам осталось теперь, милые мученики идеи? Жалкие мультимиллионы этого ничтожества?

— Да, жалкие мультимиллионы, — радостно зарыдали «борцы-сподвижники».

— Все мои жалкие мультимиллионы — ваши, — торопливо сказал Сиракузэр. — Только, умоляю, мадам, больше не надо...

— Мало! — рявкнула Н.-Б. и снова застенала, словно Дездемона. — Ваша любимая, прелестная, величественная прошла сквозь такие тернии! Ей пришлоось надеть на себя маску туриста! Ей пришлоось, для того чтобы завладеть кассиопейской флейточкой, обезобразить свое милое лицо седыми усами, свою прелестную фигуру скрыть под черной дурацкой крылаткой! Ей пришлоось укошить какое-то несовершеннолетнее существо... — вдруг она запнулась и медленно повернулась к колено-преклоненной Бубе Флауэр. — Встань! Ты говорила что-то о несовершеннолетнем?

Внезапно в идиллический шум прибоя и рокот пальм под крепким теплым ветром вплелся какой-то посторонний звук. Все повернули головы и увидали, что из-за вершины островной горы вылетел и стал быстро приближаться к ним военный геликоптер «Хьюз», явно купленный по дешевке на сайгонской толщечке, после того как огромная американская экспедиционная армия убралась вовсюси.

Бандиты взяли оружие наизготовку и плотным кольцом окружили вертолет, который сел на бетон, взвихив свои винтами некоторые легковесные «реликты памяти».

— Лестер Тиу-Чан! — вскричала Буба Флауэр, когда из вертолета высокочил тот самый плейбой-блондин, что так позорно стущевался перед Геннадием в парижском аэропорту Орли. — Величественная, разрешите мне пристрелить этого труса?

— Любимая, прелестная! — вскричал Лестер Тиу-Чан и шмякнулся ником на бетон в ноги мадам Н.-Б. — Величественная! Твой верный сподвижник у твоих ног! Признаюсь, я не смог прилететь вовремя в Зурбаган из-за своей слабости. Мадам, вы знаете меня по Гонконгу, по Макао, по Борнео, по Эмпиреям и Г.Ф.-39, вы знаете, что Лестер Тиу-Чан нигде не раздевал труса. Мадам, в Орли я был потрясен. Мадам, я увидел среди пассажиров, летящих в Зурбаган, нашего страшного врага, того бенсека, с которым когда-то вместе тренировался под командой Дика Бугги (хорошего огньку под его сковородкой!), с которым мы высадились на Эмпиреях и который нас всех тогда погубил, — я увидел, мадам, Джина Стретфonda собственной персоной!

— Это он! — завопила Буба Флауэр. — Он освободил пилотов, засадил нас в чемоданы и скрылся! Он не мог далеко уйти!

Все бандиты повернулись к Накамуре-Бранчковской в ожидании приказа. Женщина-чудовище кусала пунцовевые губы.

— Злой гений моей судьбы, — медленно проговорила она. — Джин Стретфонд, отнявший у меня Корону Больших Эмпиреев!

— Бейте в бензобак, ребята, — тихо скомандовал Гена Эспу, Зиту, Гале и Акси. — Огонь!

Шесть струй свинца прошили тропические заросли и ударили в борт вертолета. Мгновение спустя взорвался бензобак. Огненное облако поднялось в небо. Клубы дыма повалили от горящей машины и скрыли из глаз мечущиеся фигуры бандитов.

— Отступаем в гору! — скомандовал Гена, и они, все шестеро, пустились бежать по тропинке вверх, туда, где на фоне красного заката, словно сиял сказочный замок, вырисовывалась скалистая вершина острова.

Любитель сочных деликатных рыб океанский бог Дэ-Винду оказался милостив. Стоял штиль, и странный караван беспрепятственно двигался всю ночь в фосфоресцирующих водах. Пловцы и гребцы-буксировщики сменяли друг друга. Между прочим, когда в корениники вышла бабушка Мария Спиридовна, скорость каравана резко возросла, что вызвало среди жертв веселое оживление.

Стихия была настолько ласкова и добра к нашим жертвам, что даже и стихией-то не казалась, а казалась какой-то уютной и милой средой обитания. Быть может, потому так вела себя стихия, что наши жертвы даже и не казались ей жертвами, а просто какой-то симпатичной компанией чудаков-веселечков. Все жертвы, представители разных наций, вели себя преотменно, подбадривали друг друга доброй, порой ядерной шуткой, смехом, брызгами, разговором. Компанийка хиппи подбадривала музыкой: трелями тибетской флейты, звоном лондонских колокольчиков. Помпезов Грант Аветисович подбадривал всех, чтением на память философских книг — Гегеля, Фейербаха... Что касается маленьких детишек — китайчонка, татарчонка, малыашонка, австрийчонка и маори, то они были просто счастливы. Они веселились вовсю.

Знаете ли вы океанскую ночь? Да кто же нынче не знает океанской ночи. Нет, наверное, на земле ни одного человека, который бы хоть раз не видел ее в кино, и вам, многоуважаемый современный читатель, не нужны никакие подробные описания. Океанская ночь, говорит автор. И вы сразу же представляете себе светящуюся тяжелую мглу необозримой влаги и над ней черную прозрачность необозримого неба, где полыхают Южный Крест и Лебедь, Орион и Скорпион и где нынче деловито пробираются сквозь звездную толченку искусственные звезды — спутники, военные и штатские.

«Ах, — подумала в эту звездную океанскую ночь Наталья Вертопрахова, отыхая на плоту и глядя в небо с непонятным волнением. — Ах, мне кого-то не хватает в эту ночь, то ли роди-

телей, то ли тренера, то ли этого несносного заносчивого одноклассника, вообразившего, что быть героем приключенческих книг гораздо заманчивее, чем чемпионом по художественной гимнастике. Ах, — подумала она, — все это штуки переходного возраста, и, как бы сказал присутствующий, но молчавший Брюквин, — «Ноу коммент...»

Так они плыли и старались не думать о том, что под ними несколько километров воднойтолщи, населенной неведомыми существами. На рассвете, когда часть жертв частично выбыла из сил и отчасти почувствовала себя и в самом деле жертвами, вожатый каравана Фуруура Чуруура испустил торжествующий вопль. Ни европейцы, ни американцы, ни азиаты, ни австралийцы, ни африканцы еще не видели на горизонте никаких признаков земли, но Ф. Чуруура своей чуткой кожей полинезийца уже почувствовал близость атолла Г.Ф.-39.

И впредь через несколько часов в лучах восходящего солнца предстал взору наших жертв крохотный клочок суши, окаймленный неизменным океанским ожерельем — белоснежной стенной мощного приюба. Теперь предстояло собрать последние силы и преодолеть стену приюба, не растеряв по дороге женщин, хиппи и детей.

В КОТОРОЙ ГОВОРИСТСЯ О ТОМ, КАК НЕВРЕДНО ИМЕТЬ МНОГОДЕТНЫХ ДРУЗЕЙ

Маленький отряд во главе с тем, кого так не хватало кое-кому на импровизированном плоту, то есть во главе с Геной Стратонфонтовым, отступал по звериным тропам сквозь джунгли неведомого острова в горы, то есть к вершине единственной на этом острове, но довольно крутой горы.

Сначала бандиты шли по пятам. Смельчаки слышали даже их хриплые голоса, не говоря уже о беспорядочных выстрелах в темноту. Потом выстрелы смолкли и голоса отстали. Бандиты, видимо, решили отложить охоту на завтра: ведь все равно с острова уйти никуда нельзя. Остров был естественной ловушкой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем отряд достиг вершины — окруженного скалами маленького плоскогорья, похожего на естественную крепостную башню и очень удобного для укрытия и обороны и покрытого к тому же мягким упругим мхом.

— Подождем рассвета, — предложил Гена. — Отсюда мы увидим весь остров и окружающее пространство.

Патрулировать первым выпало Филу, и Генадий растянулся на мягкому пушистому мху. Он хотел было взвесить и оценить все события истекшего дня, но отвлекся от событий и попал во власть какого-то странного ощущения. Над ним распрострели огромные ветви некое могучее дерево. Оно гудело под океанским ветром и кипело пышной листвой с какой-то особенной доброй силой, и сквозь листву этого дерева просвечивало созвездие Кассиопеи. Все это вместе — гул дерева, и кипень его листвы, и мигающие огоньки созвездия — словно бы говорило Геннадию:

— Спи, мой мальчик! Не взвешивай и не оценивай событий. Ты устал, завтра разберемся.

...Когда он открыл глаза, то увидел над собой молодого леопарда. Шерсть красивого зверя золотила заря, поднимающаяся из океана, — «розовоперстая Эос», как называли ее когда-то древние греки. Леопард лежал на нижней ветви могучего дерева и дружелюбно смотрел на мальчика. Могучее дерево своим бесчисленными ярусами уходило в небо, и вершины его не было видно.

Гена встал, потянулся, подпрыгнул и покачался немного на нижней ветви могучего дерева. Леопард одобрительно помахал хвостом. Гена увидел на фоне утренней зари красивый силуэт стюардессы Акси. Она сидела на скале, положив на колени автомат, а рядом с ней лежал, свернувшись калачиком, впрочем, скорее не калачиком, а здоровенным калачом, еще один молодой леопард.

— Какие милые животные, — подумал Гена. — И какое удивительное дружелюбие! Наверное, они думают, что мы тоже леопарды, только другой породы.

Он взобрался на одну из скал, окружавших лужайку, подошел к самому краю (внизу было пропаст) и огляделся. С этой огромной высоты он увидел сквозь розовую дымку на юго-западе очертания еще одного острова, а на северо-востоке были отчетливо видны крутые берега третьего. Неожиданно Гену озарила догадка: да ведь это не что иное, как цепочка маленьких Эмпирейских островов, тот самый хвостик той самой грейт-эмпирейской запяты! Мы на архипелаге! Ура! Это меняет дело! Шансы на спасение увеличиваются. Должно быть, мы находимся на острове Ылип, или на Фухсе, или на Фео... Да, конечно, это остров Фео: ведь именно он славится самой высокой горой на всем архипелаге. Остров Фео!

Гена спрыгнул со скалы и зашагал по пружинящему мху лужайки. Товарищи его — экипаж зурбаганского «ЯКа» — безмятежно спали, раскинувшись под гигантским деревом. Поже было на то, что и часовой Акси, чей силуэт так красиво выделялся на фоне зари, тоже безмятежно спала. Это было бы опасно, если бы Гена не знал нравы своих врагов. Бандиты, окружившие гору, безусловно тоже дрыхнут после обязательной вечерней пьянки.

Похоже, что бодрствуют на всем острове только трое: он сам — Гена, симпатичный леопард на ветке гигантского дерева и само это горное дерево неизвестной породы, которое, наверное, не спит никогда.

Гена подошел к стволу, не уступающему по объему космической ракете, прислонился к нему и вздрогнул от изумления. Ствол дерева был теплый!

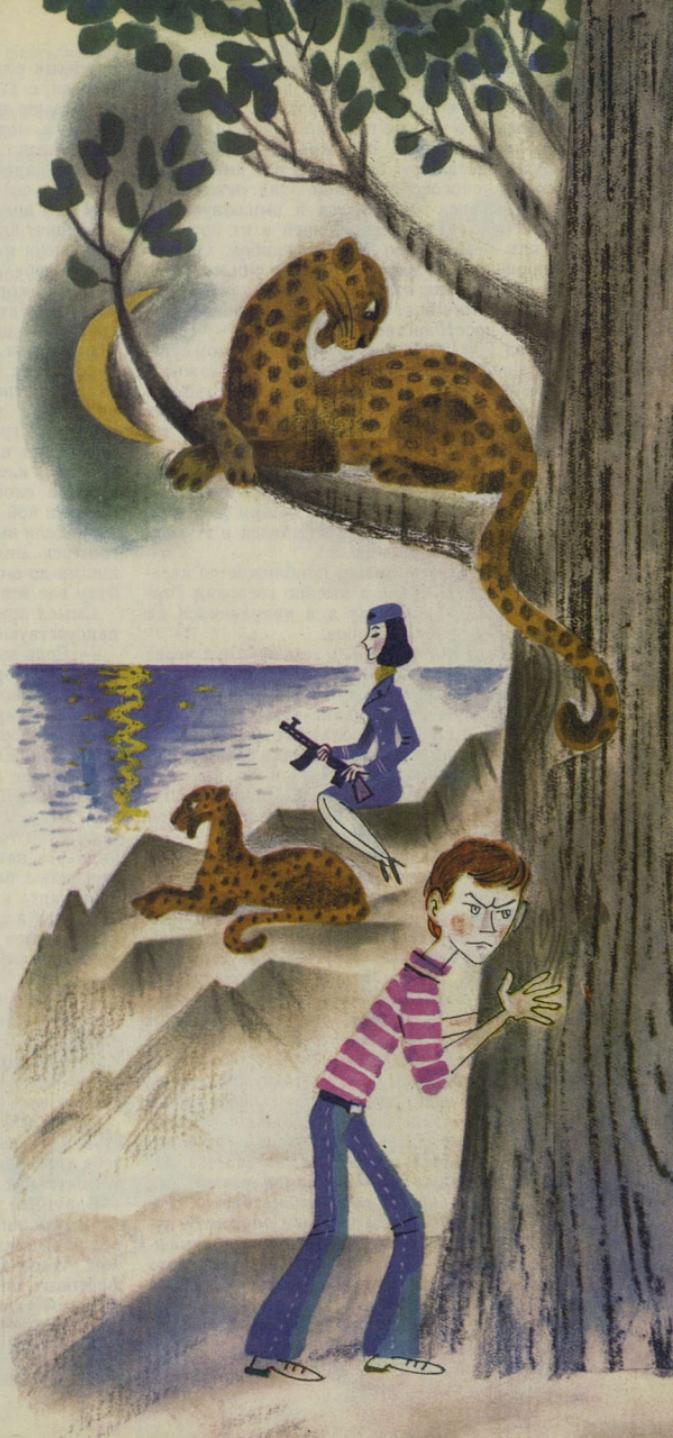
Тепло шло изнутри, словно там внутри по всем капиллярам и крупным сосудам шла горячая кровь.

Читатель, конечно, уже догадался, что сделал наш герой в следующий момент. Конечно, Гена прижался к горячему дереву ухом и, конечно, услышал там изнутри взрыво-ванный стук, гулко несущийся сквозь деревянную массу и улевающий как бы в трубу.

— Дерево «пульс!» — закричал мальчик так громко, что все проснулись, даже очаровательный часовой, а леопард спрыгнул с ветви и посмотрел на Гену удивительными глазами.

— Простите, я хотел сказать — это дерево «сульп!» — взволнованно объяснил Гена и задумчиво пробормотал: — Что за странная оговорка...

Прибой близ атолла Г.Ф.-39, естественно, разметал импровизированный плот на кусочки и теперь выбрасывал на пляж с regularностью автомата то кресло, то ящик, то чемодан, а то и человека. Бессмысленно было бороться с этой пенной стеной, да и незачем было бороться. Прибой не

знал разницы между одушевленными и неодушевленными предметами. Он просто закручивал предмет в своих водоворотах, а потом выбрасывал его на уже горячий от солнца пляж.

В конце концов положивые, в обрывках одежды пассажиры сползлись все вместе под высокой кокосовой пальмой. Они лежали на песке, пытаясь отдохнуть и выплюнуть излишки соленой воды, попавшей в их организмы при пересечении полосы прибоя. Однако не прошло и десяти минут, как они отдохнули, выплюнули излишки и попытались — ох, люди, неуемные существа! — сориентироваться в пространстве.

Атолл Г.Ф.-39 был крохотным кольцом суши вокруг небольшой мелкой лагуны, где важно и безучастно прогуливалось несколько заблудших фламинго. Десятка два-три кокосовых пальм раскачивалось в потоках пассата. В северо-западной части атолла был небольшой зеленый холм, оттуда, с этого холма, спустилась человеческая фигура и медленно двинулась по ослепительно белому пляжу к нашим жертвам.

Мсье Фуруура Чуруураа взгляделся в эту фигуру и сделал сообщение.

— Мадам и мсье, к нам приближается население атолла Г.Ф.-39, а именно господин Герман Фогель, к которому я и направлялся на своем стремительном каное.

Надо сказать, что вождь перепрыгнул через прибой на своем каное без особого труда. Бес помощное кувырканье в пенных водоворотах остальных мужчин каравана порядком удивило его, но он ничем не показал своего удивления, а тем более насмешки. Вождь был человеком образованным и широким, и он, конечно, понимал, что жители Лондона, Парижа и Ленинграда не встречаются в своей повседневной жизни с такими сильными прибоями.

— Дело в том, господа, — продолжал он, — что некоторое время назад Герман Фогель, известный в прошлом радиолюбитель, послал в эфир тревожную радиограмму, адресованную известному иуважаемому в кругах коротковолнников Геннадию Стратофонтову, то есть вашему внуку, мадам Мария Спирidonовна, вашему сыну, мадам Элла и мсье Эдуард, вашему другу мсье Четверкин, мадемузель Даша и Наташа и шевалье Брюквин Валентин. Однажды сигналы с атолла Г. Ф.-39 были очень слабы (предполагаю, что сели аккумуляторы), иуважаемый Геннадий был поставлен в тупик.

У каждого из нас, коротковолнников, господа, есть свои друзья по эфиру, и очень часто эти круги соприкасаются. Так, на счастье, заочный друг уважаемого Геннадия уважаемый Мик Джеггер, почтальон с Фольклендских островов, оказался и моим заочным другом. Я пustил в ход других своих заочных друзей, включая вашего соседа, уважаемого Цитронского Льва Степановича, привнес жертву радиобоягу Мегахерчу... ну, не будем уточнять, ну, пару кур, корзину рыбы, ну, кое-что еще... Короче говоря, господа, Мегахерчу оказался милостив, и мне удалось почти точно установить, что таин-

ственных размытые сигналы идут от Германа Фогеля, с атолла Г.Ф.-39. Увы, сигналы отсюда больше не повторялись, и мне пришлось выйти в море на каноэ. Впрочем, я рад, что встретился с вами и мы можем все вместе разделить радость встречи с Германом Фогелем, который сейчас приближается к нам.

К нам приближалась гигант непонятной расы и непонятного возраста. Мускулистые бронзовые плечи и мускулистые черноватые ноги несли на себе обрывки одежды, которая, возможно, была когда-то сукном цвета хаки, но, возможно, и батистом цвета «нерванше». Длинные спутанные левые волосы ниспадали на плечи, длиннейшая пегая борода была заткнута за пояс, цвета глаз нельзя было различить из-за нависших левых бровей. Приблизившись на расстояние двадцати метров, гигант вынул из сумы две гранаты, поднял их над головой и прокричал на каком-то немыслимом языке, в котором клокотали русские, немецкие, французские слова, а также звуки моря, скрип пальм и вой ветра:

— Если вы не гутентаген, а геген мир...у-у-у-
скр-трск...нихт добро по-ж-жа-а-а-шдлмр-
шдлмр-ло-о-о-о-вать... ширше дизе папир... их
буду вас эсплоз-з-з-з-тп-тп-р...их!

Смысль приветствия, кажется, был ясен всем присутствующим.

— Если вы пришли сюда с дурными намерениями, я взорву вас на месте!

В подкрепление своих слов гигант выразительно помахал своими ржавыми гранатами. Воцарилось смущенное молчание, и вдруг Четверкин Юрий Игнатьевич, разев вскочив на

истории Геральтова, резво вскочил на свои легкие ноги, устремился к гиганту с распростертыми объятиями.

— Шер ами! Обер-лейтенант Герман Фогель, елки тоценые! Ей-ей, милостивые государи, через пятьдесят девять лет приятно встретить даже бывшего врага! Вы помните, обер-лейтенант, как я сбил ваш «альбатрос» в 1915 году в трех верстах к северу от Перемышля? И зашел к вам в хвост на своем «њюпоре» и швырнул в ваш аппарат целый тюк горящей паки!

— Ах, елки точеные! — Юрий Игнатьевич стукнул Германа Фогеля по спине. — Позволь тебе представить моих друзей, семейство Страпоновых!

Вдруг все увидели, какого цвета глаза гиганта. Ярко-синие зрачки, казалось, выскочили из под нависших бровей и остановились в священном ужасе. Он смотрел на семейство Стратонавтовых, словно на ожившие тотемы. Он рухнул перед ними ниц и простер руки, словно дикарь перед алтарем. Он, должно быть, и впрямь считал богами наших милых Стратонавтовых.

— Стратофонтовы! Натюрлихе фамилиен...
гр-р-р... россен! Глюхих! Бонжур! Щ-щ-щ-
асть-ть-ть-ть-е!

Немалого труда стоило успокоить гиганта, внушил ему, что ничего невероятного не произошло, что Стратофонтовы — вовсе не миф, не гипербола, а самые обыкновенные миловидные люди. Решающую роль в этом деле сыграла баночка растворимого кофе, которую хлопотливый океан как раз подкатил к ногам компании. Мама Элла быстро вскипятила на непромокаемой зажигалке мужа банку воды и предложила икающему гиганту этот самый распространенный напиток современной цивилизации — «нес-кафе». Напиток произвел на Германа Фогеля чрезвычайно сильное и приятное впечатление. Он успокоился, улыбнулся и начал свой рассказ.

Окончание следует

Сундучок,

В КОТОРОМ
ЧТО-ТО
СТУЧИТ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

Рассказ бывшего обер-лейтенанта
германской императорской авиации,
а ныне представителя
коренного населения атолла ГФ-39
Германа Николаевича Фогеля

В конце лета 1914 года молодой сорокалетний российский подданный Герман Николаевич Фогель-Кукушкин лечил невралгию на курортах в Баден-Бадене, когда разразилась первая империалистическая война. Герман Николаевич был интернирован германскими властями. Власти насилиственным путем лишили его русской половины фамилии, объявили немцем, засадили за руль «альбатроса» и приказали:

— Фогель, летай!

«Альбатрос» решил все дело. Молодой человек был весьма увлечен этим новеньким летательным аппаратом и дал себя вовлечь в братоубийственную войну. Конечно, в русские войска Герман Николаевич не стрелял, а просто себе летал на своей мощной машине и бомбы сбрасывал в облюбованное им болото в трех верстах к северу от Перемышля. Как вдруг за них стал гоняться русский летчик, по сведениям разведки, поручик Четверкин. Герман

Николаевич был вспыльчивый сорокалетний молодой человек, и его раздражало, что ему мешают летать. Сначала они только грозили друг другу кулаками, а потом стали наездить друг другу на хвосты, и вот однажды хитрый Четверкин швырнулся в Германа тюк гряющей пакли.

Оказавшись в болоте, Фогель было уже обрадовался возвращению на родину, как вдруг германская армия начала наступление и вытаскила его из болота. Он был награжден серебряным крестом и отправлен на Западный фронт. Здесь он однажды стал свидетелем газовой атаки. Зрелище человеческих страданий настолько глубоко поразило Германа Фогеля, что он решил раз и навсегда порвать все связи с цивилизацией, которая, по его наивному мышлению, была виновницей этих кошмаров. Он дезертировал из армии и пробрался в Аргентину, оттуда — в Чили, из Чили — в Перу и, наконец, в Перу он попросил капитана китобоя найти ему в океане необитаемый атолл, чтобы там он мог встретить закат своей жизни. Он думал о закате жизни, потому что сразу после газовой атаки превратился из молодого сорокалетнего человека в пожилого сорокалетнего человека.

Закат его жизни, как видим, значительно растянулся. Китобоек высадил его на этом никому неизвестном атолле в середине 17-го года, и годы потекли, как мелкие волны в лагуне, когда за рифовым кольцом бушует шторм. Он потерял им счет. Ничто уже не связывало его с современной цивилизацией. Больше двадцати лет он вообще не видел ни одного цивилизованного человека, но однажды, как потом выяснилось, в октябре 1939 года, рядом с атоллом вынырнула из глубин японская подводная лодка. С лодки высадились моряки и взялись устраивая на атолле что-то военное. Тогда и появилось в ложиях обозначение «атолл ГФ-39», но никто не знал, что это инициалы отшельника. Моряки построили на атолле радиостанцию и начали было уже скучать и отрываться от цивилизации наподобие коренного населения, т. е. Германа Фогеля, как вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — горизонт стал раскальваться военными сполохами, и в этих багровых просветах стали появляться силуэты боевых кораблей. Прошло еще какое-то время, и однажды ночью моряки покинули атолл и оставили свою рацию Герману Фогелю. Перед уходом они долго втолковывали ему, что он — ближайший союзник в нынешней войне, но Фогель настолько оторвался от цивилизации, что не очень их понял.

Рацией, однако, он начал пользоваться, вначале только чтобы слушать музыку, а потом стал членом международного клуба коротковолновиков. Фогель проводил последующую четверть лет по-прежнему в полном одиночестве, но теперь он все же был в курсе мировых событий жизни всего остального человечества. Конечно, у него были весьма своеобразные представления о новых явлениях современного ми-

Окончание. См. «Костер» №№ 1—3, 1975 г.

ра. Как слепой с рождения человек по-своему представляет себе всякий предмет, о котором слышит, так и одинокий островитянин по-своему представлял себе такие явления современной жизни, как например, «освоение космического пространства» или танец твист. К тому же аккумуляторы радиостанции начали «садиться» и связь с внешним миром вновь начала слабеть, о чем, надо сказать, Герман Фогель далеко не всегда жалел.

И вот недавно одно из явлений современного мира явилось на атолл ГФ-39 и продемонстрировало себя во всем великолепии. Это было далеко не лучшее явление и имя ему — «мафия».

Их было человек десять. Они выпрыгнули из вертолета и пошли к Фогелю, побрякивая своими брелоками, браслетами, талисманами, пистолетами, наручниками, кастетами, кинжалами, подметая пляж клешами немыслимой расцветки и поблескивая своими золотыми зубами и солнечными очками. Впереди шла женщина редкой красоты.

— Фогель? — коротко спросила она, и тут же гигант-островитянин потерял сознание.

Очнулся он связанный на полу своей хижины. Мафиози набросились на него с вопросами о каком-то сундуке, в котором что-то стучит, и о флейтоточке из дерева «сульп». Он ничего не понимал и, стиснув зубы, переносил мучения.

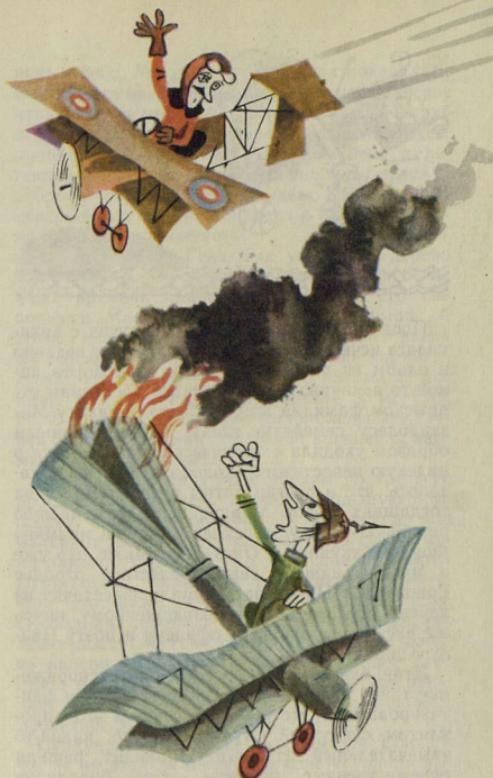
Наконец, они отшвырнули его в угол и перестали обращать внимание. Один из бандитов приколол к стене карту мира и поставил крестик прямо в середине океана, там, где предполагался необозначенный атолл ГФ-39. На карте уже было несколько крестиков — в Европе, Северной Америке и на острове Маврикий.

— Итак, с Фогелями покончено, — жестким голосом сказала женщина редкой красоты, — остался один Кукушkin. Сундучок, безусловно, находится здесь!

И она своим до странности неприятным пальцем ткнула в родину Германа Николаевича Фогель-Кукушкина, в дельту реки Невы, в город Санкт-Петербург, нынешний Ленинград. Бандиты начали громко обсуждать свои планы, подкрепляясь колоссальными дозами виски и джина, выгруженных из вертолета. Скоро обсуждение планов стало напоминать настоящую вакханалию. Они не обращали никакого внимания на своего еле живого пленника. Герман Фогель понял, что он приговорен. Островитянин не особенно боялся перехода в мир иной. За долгие годы одиночества на атолле ему даже стало иногда казаться, что этот переход не принесет ему существенных изменений. У него уже сложилась психология первобытного человека. Сейчас он лежал связанный в углу хижины и слушал пьяные выкрики мафиози. Из этих выкриков постепенно сложилась для него картина преступления.

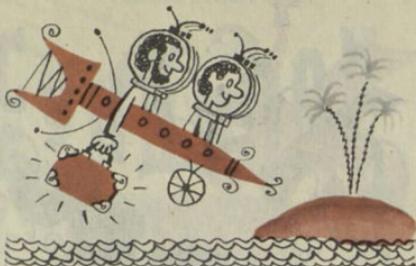
Вот как она сложилась в представлении измученного пленника.

На каком-то отдаленном архипелаге существовала легенда, что в незапамятные времена

там приземлился космический корабль из звездия Кассиопеи. Кассиопеи постепенно в течение веков одичали, но перед тем как одичать, они укрыли где-то на архипелаге свои сокровища, стоимость которых даже нельзя подсчитать земными цифрами.

Затем столетий эдак триста — пятьсот назад на архипелаг приплыл на своем катамаране прародитель Еон с тремя сыновьями — Мисом, Маком и Тефя. Хитрый прародитель подобрал ключи к кассиопейским сокровищам, но вместо того чтобы любезно оставить эти ключи нынешним бандитам, укрыл их в каком-то таинственном сундуке, внутри которого что-то всегда стучит. Сундучок был изготовлен Еоном из дерева «сульп», легендарного растения, которого никто никогда не видел, и открылся он только флейтоточкой из этого же легендарного растения. Сундучок и флейтоточка передавались потомками Еона из поколения в поколение и так докатились до XIX века, когда на архипелаг совершила набег пиратская эскадра адмирала Рокера Буги. Тогда разгорелась жуткая битва, решающее слово в которой сказал русский клипер «Безупречный», отогнавший пиратов от архипелага и потопивший их в просторах океана.

После этой роковой битвы сундучок с архипелага исчез, затихла и легенда. И вот недавно в одном из винных погребков Оук-Порта какой-то пьянячка, оказавшийся последним отпрыском фамилии Еон, выболтал бандиту Мизераблесу семейную тайну. Тайна странным образом уходила с тропического архипелага в далекую непостижимо холодную Россию. Оказалось, что в разгар битвы с пиратами глава тогдашних Еонов Маркус передал семейную реликвию врачу русского клипера мичману Фогель-Кукушкуну. Оказалось также, что уже в начале нашего века прелестное отродье Еонов юная Никовера подарила флейточку из дерева «сульп» своему возлюбленному, опять же русскому, молодому офицеру и поэту Павлу Конникову.

Итак, бандиты, заполучив в свое распоряжение тайну благородного семейства, стали фантазировать — что же там стучит в этом проклятом сундучке? Стучит, конечно, какой-то замечательный атомный бриллиант, решили невежественные бандиты. Этот бриллиант можно толкнуть в Лондоне или Нью-Йорке миллиончиков за десять и погружеваться в свое удовольствие «Вам лишь бы толкнуть и погружеваться», — сказала их предводительница, — а между тем, захватив невиданные космические сокровища, мы можем стать властелинами мира».

Эта дама редкой красоты и коварства собрала информацию и разработала план. Она выяснила, что фамилия Фогель-Кукушкунов распалась, что многие Фогели разлетелись по разным странам. Мафия пустилась на поиск ничего не подозревавших мирных Фогелей и отмечала косыми крестиками на карте следы своих преступлений. Последний крестик они поставили на атолле ГФ-39. Теперь они взяли на мушку ленинградского Кукушкина.

Герман Николаевич вдруг вспомнил дом своего двоюродного брата, четырехэтажный дом на Екатерининском канале возле мостика, который держали в зубах четыре льва с золотыми крыльями. Более того, он вспомнил портрет своего предка, флотского лекаря, виящий возле камина, и фолиант его дневника. Более того, обострившаяся от переживаний и физических мучений память обнаружила в своих глубинах и маленький желтый сундучок с таинственной монограммой... Так вот, значит,

что! Значит, эти бандиты вышли на правильный след! Герман Николаевич стиснул зубы и дал себе слово помешать злодейским замыслам. Когда бандиты затихли, он перергзы зубами свои пути, выполз из хижины, добрался до оружейного склада, оставленного на атолле японскими моряками, и стал забрасывать свою хижину гранатами и обстреливать ее светящимися пулями из пулемета.

Началась великая паника. Бандиты оказались трусами. Они не прияли боя и, кое-как отстрелившись, ринулись к своему вертолету. Фогель не успел подстрелить вертолет, бандиты скрылись.

Что делать? Как сообщить в Ленинград о грозящей опасности? Что там в этом сундучке — материальные или культурные ценности, — это неважно. Важно, что он стал целью мафии, а это повлечет за собой цепь преступлений.

Герман Фогель развернул свои таблицы. В них значились имена и позывные сотен радиолюбителей, с которыми он собирался установить контакт, пока аккумуляторы его станции не выдохлись. Вскоре он нашел в таблицах нескольких ленинградцев и среди них ленинградского коротковолновника Геннадия Стратофонта.

Стратофонтов! Это имя вспыхнуло, как молния, в ожившем от спячки мозгу островитянина. Да ведь это же потомок командира моего предка — капитана первого ранга Стратофонта, человека широких прогрессивных взглядов.

дов. Он вспомнил даже эпизоды своего петербургского детства, и вспомнил, с каким уважением, если не благоговением, произносилась за семейным столом фамилия Стратофоновых.

Герман Николаевич составил тогда радиограмму.

Он посыпал эту радиограмму в эфир, пока не погасли последние огоньки в его рации...

Члены экипажа зурбаганского лайнера и два молодых леопарда с удивлением следили за действиями юного мальчика, которого они уже успели узнать и полюбить.

Геннадий Стратофонов, весь во власти своей интуиции, стоял, прижавшись ухом к теплому, чуть ли не горячему боку дерева «сульп», а пальцами правой руки держал свою левую руку за пульс. Губы его слегка шевелились, он явно считал. Пульс-сульп, пульс-сульп. Эврика! Счет пульса и счет ударов в глубине таинственного дерева совпадали! Это таин-

ным в небо. Могучие ветви и кора показались вдруг мальчику чем-то посторонним. Невероятная мысль мелькнула в его голове: а вдруг это дерево суть та самая ракета кассиопеицев, превратившаяся за бесчисленные века в легендарное дерево «сульп»? Гена улыбнулся и отбросил эту невероятную идею. Какие только невероятные идеи не приходят в голову в период переходного возраста!

В одном лишь Гена был уверен — дерево это помнило стародавние имена, может быть, даже времена прародителя Еона с его сыновьями Мисом, Маком и Тефя. Думая об этом, Гена вдруг обнаружил, что «идет» вверх по дереву. Именно идет, не лезет, не карабкается, а идет, потому что под его ногами не что иное, как ступени, выдолбленные в могучей коре. Когда? Когда были выдолблены эти ступени? Они напоминали ступени в пещерах кро-маньонского человека.

Он поднялся по этим ступеням до третьего яруса ветвей и здесь увидел небольшую площадку, вроде бы балкона. Он вздрогнул: над балконом слабо вырисовывалась та самая монограмма, которая, по описаниям Юрия Игнатьевича, украшала таинственный сундучок. Это было утро молниеносных догадок. Очередная пронзила Геннадия: он разгадал монограмму! Читала слева направо или справа налево — первое М — это Мис, далее идет ствол буквы Т и одновременно И — это означает Еон и его третий сын Тефя; и наконец, последнее М — Мак. Ура!

Сундучок — изделие прародителя Еона, и уж не из этой ли выемки в коре «сульпа» вырезал старый катамаранщик материал для своего изделия?

Гена чувствовал какой-то необычайный даже для него подъем интуиции и вдохновения. Итак, теперь уже ясно окончательно: сундучок с заключенными в нем ценностями, культурными или материальными, принадлежит архипелагу, а следовательно, и народу Больших Эмпиреев. И он будет возвращен народу, где бы ни забыл или ни припрятал его хитрюга или растяпа Сиракузер!

Однако, подумал мальчик и тут же вспомнил о флейточке. Как подсказывает ему его интуиция, без флейточки из дерева «сульп» не откроется сундучок из дерева «сульп», а

ственное дерево обладало таинственным свойством — это было дерево-резонатор! Так вот, значит, что стучит в глубине легендарного сундучка — собственный пульс человека, который прислоняет к нему свое ухо. Пульс, усиленный особыми резонаторными свойствами деревянной ткани! Гена обошел дерево вокруг. Пожалуй, прогулка вокруг основания Останкинской телевизионной башни заняла бы не намного больше времени. Он еще раз посмотрел вверх. Дерево было прямым и каким-то устремлен-

флейточка... Гена непроизвольно крякнул и потрогал не вполне еще рассосавшуюся гематому на подбородке. Флейточка в руках у мадам Н-Б...

— Эврика! — вскричал он в который уже раз за это утро. Смешно грустить о флейточке из дерева «сульп!» Гена побежал по одной из ветвей третьего яруса, словно по корабельной рее, и добежал до самого ее конца, где имелись нежные отростки. Вынуть верный складной нож, срезать нежный отросток, выбить из него сердцевину и сделать в коре три дырочки — все это было для мальчика делом десяти минут. Через десять минут в руках у него была флейточка. Он дунул, и... странный, протяжный, вроде бы не очень и земной звук вылетел из флейточки. Гигантское монументальное дерево ответило на этот звук чрезвычайно странным рокотом, трепетом, подергиванием всей коры от макушки до корней, словно живое существо. Гена был теперь уверен, что у него есть ключ к сундуку. Он сунул флейточку за пазуху и потуже затянул пояс джинсов.

Он чувствовал, что чудеса сегодняшнего дня еще не кончились, что основные события впереди. Спрыгнув прямо с третьего яруса в пружинистый дерн, он взобрался на скалу и взгляделся в морскую даль, скрывающую уже под молодым оранжевым солнцем. Внизу на

страшной глубине под обрывом он увидел, что поверхность моря рассекают шесть пенных бурунчиков, словно идут ромбом шесть торпедных катеров. Метрах в двухстах под ногами плавала в воздухе крупная чайка. Что-то знакомое сквозило в манере полета этой птицы, что-то родное, домашнее... Так летают крупные чайки-самцы в дельте любимой Невы. Ей-ей, парящая внизу чайка чем-то напоминала дружищу Виссариона.

— Виссарион! — крикнул вниз Геннадий шутки ради. Прошло несколько секунд, прежде чем голос его долетел до чайки. И тут же птица взметнулась и, стремительно набрав высоту, опустилась на скалу рядом с Геннадием. Это и в самом деле был Виссарион.

Что? Как? Каким образом? Дружище Виссарион, вы ли это? И если это вы, а не ваш океанский двойник, то как вам удалось за столь короткий срок покрыть столь гигантское расстояние? И какова цель вашего прилета на остров Фео?

Все эти вопросы готовы были сорваться с языка Геннадия, но не успели сорваться, потому что Виссарион предварил все эти вопросы одним лишь поворотом головы. Он повернул голову влево и чуть вверх, и Геннадий увидел на шее у сильной птицы кожаное кольцо с кнопкой. Виссарион со спокойным дружелюбием приглашал своего старого приятеля (если птица может так сказать о тринадцатилетнем мальчике) расстегнуть кнопку. Геннадий последовал за этим приглашением и извлек из кожаного кольца письмо, адресованное ему. Письмо было от Питирима Кукк-Ушакина. Оно гласило:

«Привет из Ленинграда!
Многоважаемый товарищ
Геннадий Эдуардович!

Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации сообщаю вам срочные новости. На следующий день после отбытия вашего многоуважаемого семейства на праздник дружественной нам малой нации мне позвонили из «Интуристас» и сообщили, что во время санитарной обработки в номере отбывшего ранее по собственному желанию иностранного подданного Сиракузера А. С. найден искомый вами и ранее принадлежащий мне, а ныне братскому эмпирейскому народу предмет.

В присутствии участкового уполномоченного был составлен акт и предмет был передан мне для дальнейшего пользования. Счастлив вам сообщить, что сундучок пребывает в не-поврежденном состоянии и в нем по-прежнему что-то стучит. Прошу передать эту новость всему миловидному народу Большых Эмпиреев, за свободу которого бились наши предки под одними парусами. Кстати, не прорастает ли на их территории растение «гумчван»? Вы знаете, зачем оно мне...

Геннадий Эдуардович, до вашего возвращения во избежание каких-либо повторных

эксцессов я укрыл сундучок в очень надежном месте. На всякий случай, если я вдруг забуду (чего не может быть), запомните четыре цифры, дату Гринвальдской битвы...»

Внезапно из-за плеча Геннадия на письмо опустилась рука в черной кожаной перчатке. Вторая точно такая же рука каким-то дьявольским стальным зажимом сдавила его горло.

— Какая приятная встреча, Джин Стрейтфонд, сэр, — владелица этих двух рук мадам Накамура-Бранчковска издевательски засмеялась.

Гена почувствовал себя беспомощным: при малейшем движении стальной зажим сильнее сдавливал горло.

Между тем мадам Н-Б, с силой, удивительной для женщины, повлекла тело Геннадия в расселину между скал.

Товарищи Геннадия Фил, Эсп, Зит, Гала и Акси не видели происходящего, занятые наблюдением за единственной стороной склона, по которой бандиты могли бы предпринять штурм вершины. Чайка Виссарион бесстрашно, не соразмеряя сил, бросилась на защиту своего друга, но силы были явно неравны — мадам увлекала мальчика в расселину. Однако в самый решающий момент в бой неожиданно вступил один из молодых красивых леопардов. Он прыгнул на спину хищнице рода человеческого и спас таким образом Гену Стратофонтова, то бишь Джина Стрейтфона, от увлечения в расселину, где его, конечно, ждали серьезные неприятности.

Освободившись от стального зажима, Гена отпрыгнул в сторону и увидел перед собой запоминающуюся картину: на ярко-зеленом ковре мха катались, сплетаясь, женщина в черной коже и пушистый леопард. Женщина была страшна. Каким-то неженским усилием она отшвырнула леопарда, вскочила на ноги, дважды выстрелила в Гену и скрылась в темной расселине.

Пули прошли мимо, но, словно в ответ на эти выстрелы, заговорили внизу автоматы гангстеров.

Гена бросился к своим. Все три летчика и две строардессы заняли боевые позиции в скалах. Они ждали команды своего юного командира. Гена выглянул из-за скалы и увидел, как по желтому кругому склону лезут вверх Груммо и Пабст, Мизераблес и Латтифудо, Буллинт и Тиу-Чан и еще не менее двух десятков бандитов. Эта атака напоминала ему эпизод из любимой когда-то в детсадовский период книги «Остров сокровищ»: атаку пиратов на крепость капитана Смоллетта. Вспомнив этот эпизод, он подумал, что их положение гораздо серьезнее, чем у героя Стивенсона, их окружает целый взвод суперсолдат, вооруженных современным оружием и умеющих им пользоваться.

Помощи ждать неоткуда, помочь не предвиделась. Кроме чайки Виссариона, у них здесь только два союзника — два молодых неопытных леопарда. Кстати, где же эти леопарды? Он оглянулся и ахнул.

По стволу гигантского дерева на лужайку спускались молодые леопарды, но не два, а шесть! Шесть грациозных и сильных зверей с умными и красивыми глазами. Очередная догадка молнией промелькнула в голове мальчика. Он посмотрел внимательно на столь знакомую ему важно-благожелательную осанку, на расцветку шерсти не очень-то леопардью, а скорее просто кошачью, на пушистые хвосты этих животных и понял, что это — дети Пуши Шуткина, достославного боевого кота, которому он в течение последнего года имел честь предоставлять стол и кров.

— Уж не детей ли своего друга Шуткина я вижу перед собой?! — воскликнул Гена, и молодые леопарды тут же подтвердили его догадку. При имени своего достославного родителя они радостно замяукали, запрыгали и каждый из шести счел своим долгом дружески потеряться головой о Генин бок, отчего бок стало немного саднить. Затем леопарды выгнули спины, подняли трубами свои пушистые хвосты (ну вылитый папа!) и всем видом показали, что они готовы принять участие в битве.

— Друзья, — сказал Геннадий летчикам. — Эти молодые животные — наши союзники. Кроме того, в нашем распоряжении чайка-связной, — он повернулся к Виссариону и обернулся к нему с просьбой. — Дружище Виссарион, сможете ли вы имитировать человеческую фразу «Чабби Чаккерс, на помощь»?

— Чабби Чаккерс, на помощь! — проорал Виссарион довольно похоже.

— Браво, дружище! В таком случае, лете к морю и кричите эту фразу без остановки. А мы попробуем прорваться, — он посмотрел на часы. — У нас в запасе 0,5 минуты.

— Ах, Гена, — проговорили Гала и Акси, внимательно глядя на него своими большими зурбаганскими глазами. — Какой вы удивительный, удивительный, просто удивительный мальчик!

Гена собрал все силы, чтобы

не побагроветь под этими взглядами, но все-таки побагровел.

— Мисс Гала и мисс Акси, — сказал он уткненно, но все-таки звенящим от волнения голосом. — Я самый обыкновенный, самый обычновенный, обыкновеннейший подросток.

Ну, вот вам, дорогой читатель, дополнительный штрих к портрету нашего героя. Ка-кво? По излюбленному выражению Валентина Брюквина, как говорится, «нуо комментс».

Справившись с волнением, Гена сделал знак леопардам, и они все семеро (молодые Шуткины плюс Стратофонты) собрались в кружок, голова к голове, как это делают шведские хоккенсты перед началом игры.

Гена что-то шепнул леопардам, и те мгновенно исчезли. Оставшиеся секунды Гена потратил на совещание с летчиками.

Итак, атакующие быстро шли вверх по желтому склону и вели страшный огонь по вершине, то и дело вставляя новые кассеты в свои автоматы. Странное дело — им не отвечали. Они прошли уже половину склона — ни одного выстрела сверху. Наконец они ринулись вперед и добрались до спасительных скал. Быть может, у беглецов уже нечем стрелять?

— Сейчас, ребята, мы их возьмем тепленькими, — прохрипел Пабст. — Бифштекс, три картошки и два помидорчика...

Он захочатал, похлопывая себя по ляжкам, и вдруг завопил от ужаса. На него со скалы, растопырив страшные лапы и жутко шипя клыкастой пастью, падал леопард. Спасительные скалы оказались западней для гангстеров. Шесть леопардов бросились на мерзавцев и взялись терзать их без всякого разбора. В тесноте скального убежища пустить в ход огнестрельное оружие было невозможно. Один за другим вылетали растерзанные, обезумевшие от боли и страха мерзавцы назад на желтый склон, и здесь они попадали под огонь отступающего маленького отряда смельчаков. Ма-

ленький отряд благополучно пересек желтый склон и углубился в джунгли. Они бежали что есть силы к морю. Море, превращавшее остров в естественный капкан, могло стать и дорогой к спасению.

В северной части бухты, затененной прибрежными скалами, бороздили воду шесть дельфинных плавников, а над ними кружил не кто иной, как Виссарион, не кто иной, как чайка-посыльный Виссарион. Он кружил, и кричал, и кричал, и кричал, но за шумом пальм его не было слышно. Что касается дельфинов, то они явно плавали не просто так, они плавали отчелывыми кругами и в конце круга каждый из них высоко выпрыгивал из воды, явно показываясь.

Геннадий внимательно вглядывался в круглые лбы и лукавые клювы этих морских человеков. Он заметил, что они очень молоды, хотя и огромны. Что-то чрезвычайно знакомое и милое почудилось вдруг ему в манере их прыжков, и вдруг очередная молниеносная догадка (какая уже по счету за этот день) пронзила его.

— Друзья мои, мы спасены! Перед вами дети моего старого друга Чабби Чаккерса! Они посланы нам на помощь!

— Сколько же вам теперь лет, Герман Николаевич? — спросила Даша Вертопрахова одинокого гиганта-островитянина, который, несмотря на свою чрезмерно длинную растительность, от общения с людьми приобрел уже человеческий облик, более того — облик русского человека.

— Не знаю, малютка, — вздохнул гигант и погладил девочку бронзовой рукой по золотистой голове.

— Могу сказать лишь, что чувствую себя сейчас значительно лучше, чем на купании в Баден-Бадене, малютка.

Они вдвоем, бронзоватый старый гигант и стройная девочка переходного возраста, прогуливались, беседуя, по восточному берегу ГФ-39, по маленькой плантации каких-то странных, кактусообразных растений, от коих исходил весьма приятный аромат.

— Любопытно было бы узнать, что за растения вы выращиваете в своем уединении, любезный Герман Николаевич? — поинтересовалась Даша.

— О, это чрезвычайно редкие растения, малютка, — сказал Фогель, — и выращиваю я их не из плодоядных побуждений, а лишь ради их запаха и дивной смолы, так напоминающей родную Прибалтику. Это растения «гумчванс», малютка. Я привез их семена еще из Перу в 1917 году...

— Как! — вскричала Даша. — Да знаете ли вы, любезный Герман Николаевич...

И она рассказала однокомому островитянину об изысканиях его ленинградского родственника Питирима в области идеальной еды. Сообщение это очень взволновало Фогеля. Как! Его трудолюбивый двоюродный племянник нуждается в каких-нибудь нескольких граммах смолы «гумчванс» для завершения своих гениальных опытов, а у него здесь этой смолы в избытке... Даще даже показалось, что однокомого островитянина потянуло куда-то вдаль, может быть, даже в родной город, на канал Грибоедова... Вдруг!

— Пароход! — закричала, едва ли не завизжала Даша. — Герман Николаевич, взгляните — на горизонте пароход!

Океан штормило. Косматые валы шли чередой с юго-востока и разбивались о коралловые рифы в километре от острова, но тем не менее на горизонте действительно было отчетливо видно белое пятнышко — пароход!

— Удивительно, — сказал Фогель. — Вот уже десять цветений «гумчван» я не видел на горизонте ни одного парохода. Мой остров, ма- лютка.

«Малютка» его не слушала: Она неслась со всех ног к штабу экспедиции, где вот уже несколько часов разбирались различные варианты спасения.

Юрий Игнатьевич Четверкин, Г. А. Помпезов, Фуруура Чуруура, папа Эдуард, баба Маша и мама Элла вкупе с английским пастором, итальянским коммивояжером и отцом семейства хиппи совещались, потягивая напиток, настоенный на смоле «гумчванс». Обстановка была идиллическая, а положение между тем вполне серьезное. Пищевых ресурсов атолла ГФ-39 хватило бы всем пассажирам «ЯКа-40» на 3—4 полновесных обеда и на столько же завтраков. Разумеется, рядом был океан с его неистощимыми ресурсами, но для того чтобы обеспечить всех рыбой или моллюсками, нужна была бы целая артель рыбаков такого класса, как Фуруура Чуруура. Кроме этого вопроса первичной важности, всех, разумеется, беспокоили и другие важные вопросы. Ведь не моллюсками же одними не кокосами, не рыбой же

жив человек. В частности, необходимо было довести до сведения человечества весть о преступлении международной мафии, о захвате бандитами национального достояния Больших Эмпиреев. Короче говоря, надо было выбратся. Каким образом? Разбиралось два основных варианта. Первый заключался в том, что вождь Фуруура Чуруура на своем стремительном каноэ скользит к ближайшим центрам цивилизации и вызывает помощь. Второй состоял в строительстве на атолле собственного плавсредства, способного вместить всех пострадавших. Надо ли говорить о том, сколько минусов было у этих двух вариантов? И между прочим, главный минус был у всех перед глазами — лохматые вальы, свирепеющий с каждым часом океан.

И вдруг прибежала Даша Вертопрахова с криком: «Пароход, пароход!» Все вскочили, взбежали на малый холм ГФ-39 и впрямь увидели среди волн какое-то белое судно.

Увы, оно было слишком далеко и по всем признакам не собиралось подходить ближе. Сигнализировать выстрелами? Бессмысленно. В шуме океана моряки не услышали бы даже голоса солидной пушки. Ракетами? Но ракет не было. Дыл мом, как в старину? Что ж, можно попробовать, но увидят ли? И, наконец — плыть к этому далекому белому пароходу, который по неизвестной причине дрейфует на трапезе ГФ-39... такая задача была по плечу лишь одному человеку, и все молча повернулись к интеллигентному вождю Фуруура Чупруу.

Но даже этот незаурядный человек, в мужестве которого нам не приходится сомневаться, усомнился в своих возможностях.

— Мадам и месье, я могу попытать счастья на своем стремительном каноэ, но, увы, я не уверен, удастся ли мне преодолеть в такую погоду прифоловое кольцо, а оставлять вас одних...

Все обратили теперь взоры к книжнему в белой пene рифовому кольцу и ахнули: в этих ужасающих водоворотах мелькали темноволосая голова и оранжевый спасательный жилет однокого пловца.

— Кто этот удивительный смельчак? — вскричали все присутствующие.

— Это Валентин Брюкин, наш одноклассник, — тихо сказала Даша Вертонарахова. Лицо ее было чрезвычайно бледным, но круглый, как солнечный зайчик, румянец гордости за свой класс пригнал с одной бледной щеки на другую и освещал ее синие глаза.

Это был «звездный час» Валентина Брюкина. Фыркая и отплевываясь, он плыл вольным стилем, уже за страшным рифовым кольцом, но все еще не видя за водными валами своей пещи — белого парохода.

«Доплыли или не доплыли, но подвиг уже налицо, — думал Брюквин и фыркал в наветренную сторону. — Ноу коммент!»

Между прочим, он был не лишен самоиронии — ведь пылъ-то все-таки он не за подвигом, а для того, чтобы помочь товарищам по

несчастью. Он плыл среди страшной стихии, этот скромный и смелый мальчик, и проявляя к себе самоиронию, то качество, без которого ни один человек не может называть себя джентльменом.

Временно исполняющий обязанности капитана научно-исследовательского судна академии наук «Алеша Попович» Олег Олегович Копецкий стоял в рубке, глядя на пенные гребни волн застывшим взглядом и бормотал себе под нос:

«...Там Зевс, как бык, в бурунах пенных вод Уносит в сумрак нежную Европу...»

Качка была основательная. «Попович» шел малым ходом, таща за собой траул по гребню подводной коралловой гряды.

— Олег Олегович, — всунулся в рубку радиост. — Капитан из Ленинграда запрашивает — вираем уже траул или еще не вираем?

— Отвечай капитану, — сухо сказал Копецкий. — Там Зевс, как бык, в бурунах пенных вод уносит в сумрак...

— Человек за бортом! — закричал, не веря своим глазам, рулевой.

— Олег Олегович, человек за бортом!

С большой зеленою волны скатывался, словно животом на санках, человек в оранжевом жилете.

— Аврал, — коротко сказал и. о. капитана и забыл про стихи.

в которой
идут в ход
мокрые деньги

Смешно сказать, но первое, что увидел Гена на набережной Оук-Порта, был его собственный памятник. Он помнил о пристрастии эмпирейцев к скульптурному искусству, о бесчисленных мраморных, бронзовых, чугунных и гранитных конях, львах, дельфинах, наядах, не говоря уже о величественном памятнике его собственному предку, но предположить, что островитяне успели за истекший год свалить памятник его собственной, еще не вполне сформировавшейся персоне он не мог.

И вот, подплывая верхом на Бинге Старе, первом сыне Чабби Чаккерса, к набережной волшебного Оук-Порта, он вдруг увидел свою собственную бронзовую фигуру. Понятно это был первый в мире памятник юному существу в расклешенных джинсах. Даже музыканты ансамбля «Битл» еще не удостоились такой чести.

Признаться, Гена рассердился. С раннего детства он не уставал повторять, что ему «наплевать на бронзы многопудье», и вот на тебе — собственный памятник. Он даже похолодел слегка, вообразив реакцию Вертопрапыховых.

«Заберу его с собой и спрячу в ванной», — решил он и оглянулся. Все его спутники торжественной кильватерной колонны вплывали в бухту. Гала верхом на Элле, Акси верхом на Арете, Фил на Хиле, Эсп на Коубоне, Зит на Дилане. Чайка Вискарин прикрывала караван с воздуха.

Вдруг какое-то мощное, как торпеда, тело описало стремительную окружность и затормозило рядом с Бинго Старом. Вскрикнув от радости, Гена сокользнул в воду, чтобы заключить в объятия своего верного Чабби Чаккерса, отца этих шестерых красавцев.

— Привет, Генок, — смущенно зафыркал Чабби. Он всегда старался смущенным посыпыванием прикрыть переполнявшие егоскую душу чувства. — Дико рад тебя видеть, кореш. Я послал своих ребят с этой птичкой на поиски, и вот ты здесь.

— Чабби, дорогой, твои ребята явились как раз вовремя! Как я рад снова увидеть тебя и милый твоему сердцу Оук-Порт! — Гена не мог скрыть своих чувств. — Однако, Чабби, знаешь ли ты, что все наши улетели с острова Фео в неизвестном направлении? Я очень волнуюсь...

— Не волнуйся, старина, — сказал Чабби Чаккерс. — Там все в ажуре. Всех до единого подобрали корабль науки «Алеша Попович». Сейчас сюда топают. Смотри, тебя здесь ждут.

По мраморной лестнице к морю с распростертыми объятиями бежала живописная толпа эмпирейцев, в которой Гена увидел мно-

жество знакомых лиц — и Рикко Силу, и Пафнугти Кучче, и Токтомурана Джечкина, и Ферцига, и Градуса и др., и др...

Грянул оркестр. Мокрый мальчик взлетел в воздух. Пафнугти Кучче залез на постамент и, держась могучей рукой за бронзового мальчика, закричал:

— Ура! К нам прибыл наш любимый Джинадо! Праздник, посвященный открытию национального музея, объявляю открытый! По просьбе трудящихся четыре выходных дня этой недели соединяются с тремя выходными днями будущей недели! Открыть все фонтаны!

Ликующая толпа подхватила и его, увесистого премьера — качать!

Качали долго. Гена и Пафнугти иногда встречались в воздухе и обменивались рукопожатиями. Гена изловчился и как-то раз на высшей точке подброса обхватил премьера за шею и шепнул ему:

— Дорогой Пафнугтий, распорядись прекратить качание наших тел! Мне необходимо немедленно связаться по телефону с Ленинградом.

Качание было приостановлено, и Гена вместе с премьером, похожим на пущенное ядро, румяным и энергичным, пустились бегом по площадям и переулкам столицы к телефонной станции.

— Увы, господин премьер-министр, — сказала со вздохом красавица телефонистка, — я вынуждена вас огорчить. Республика превысила свой лимит по телефонным разговорам в сто семьдесят семь раз. После праздников телефонная станция конфискует государственный банк. Увы, господин премьер-министр. Увы, — она пленительно улыбнулась Геннадию, — увы и вам, наш юный кумир Джинадо Стратофудо.

— Мокрые деньги вас устроят? — спросил Геннадий и извлек из своих джинсов рубль, франк и несколько зурбаганских зуров.

— Подходяще! — повеселела красавица телефонистка и взялась за соединение с Ленинградом.

Дело это было нелегкое — весь мир пересчитал свои деньги, и поэтому шум по всем каналам стоял страшный.

Геннадий тем временем рассказывал своему высокопоставленному другу всю историю «сундучка, в котором что-то стучит». — ...и вот ты понимаешь, Паф, письмо Питирима Кука-Ушкина находится сейчас в опасных руках Накамура-Бранчковской. От этой особы можно ждать всего. Я не удивлюсь, если она завтра же окажется в Ленинграде. Что такое дата Грюнвальдской битвы?

— Быть может, это шифр? — предположил премьер-министр. — Может быть, шифр какого-нибудь сейфа.

— Да-да, вполне возможно... — задумчиво проговорил Гена. — Питирим Кука-Ушкин мог специально для этого дела сконструировать какой-нибудь особенный сейф.

— Товарищ Стратофудо, поговорите с Ленинградом, — вдруг равнодушным голосом сказала телефонистка-красавица, как будто ей ничего не стоило пробраться сквозь хаос мировой валютной системы.

Гена бросился, схватил, заорал «алло-алло» и вдруг очень близко услышал спокойный мужской голос:

— Кандидат технических наук Рикошетников Николай Николаевич слушает вас.

— Николай, вы знаете дату Грюнвальдской битвы? — срывающимся голосом спросил Гена.

— Как всякий культурный человек, — сказал капитан Рикошетников. — Знаю. Одна тысяча четыреста десять.

Вечером Геннадий завтракал в кругу своих близких эмпирейских друзей в ресторане на крутом бастоне крепости Оук-Порта.

В связи с финансовыми трудностями республики на столе не было никаких деликатесов, только скромная местная пища: устрицы, лангусты, крабы, белая икра доисторической рыбы цалакант, эскарго, авокадо, грейпфруты, цитонеллы и лайм-тоник.

— Конечно, было бы удобно, если бы в сундучке оказались кое-какие материальные ценности, — сказал «лучший футболист всей страны» Рикко Силла. — Мы бы построили на них огромнейший футбольный стадион. Больше, чем «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Вся республика поместится и еще пригласим зурбаганцев.

— Да-да, стадион! — поддержал его пылко бывший президент и вратарь национальной команды, а ныне парикмахер Токтомурэн Джечкин. — Только не такой уж большой. На-

до оставить средств для огромной, самой большой в мире парикмахерской. Чтобы весь мир ездил к нам стричься!

Гена вдруг заметил, что Рикко Силла помрачнел и посмотрел на Джечкина с несвойственной ему агрессией.

— Стадион на стадионом, парикмахерская парикмахерской, а построить надо огромную телефонную станцию, — веско заметил премьер-министр.

— Никаких парикмахерских и никаких телефонов! — Рикко Силла брякнул по столу своим самым красивым в мире кулаком.

— Никаких стадионов и никаких телефонов! — выдал свои истинные намерения Токтомурэн Джечкин. — Детский период истории кончился! Хватит играть, пора стричься!

— Никаких стадионов и никаких парикмахерских! — премьер-министр ладонями выбил дробь, не хуже джазового барабанщика. — Нам нужна связь! Огромный телефон решит все проблемы!

Все трое мрачно посмотрели друг на друга. Ой, как Гене это не понравилось! Год назад такая сцена между тремя закадычными друзьями была бы немыслима.

— Друзья, не ссорьтесь! — сказал он им, умудрившись положить две свои руки сразу на три плеча. — Иной раз культурные ценности бывают гораздо важнее материальных.

Все трое посмотрели на Гену, и их взаимная неприязнь тут же рассеялась.

— Устами мальчика-героя подчас вещает истина, — произнесли они все трое старинную эмпирейскую народную поговорку и улыбнулись, и искорки из восьми дружеских глаз, не разделенных даже на пары, а соединенных в одно красивое загадочное созвездие, поднялись над ночным Оук-Портом, чтобы присоединиться к бесчисленным звездам мироздания, и на этом наша повесть закончилась, оставив место лишь для трех небольших эпилогов.

Каковы, однако, законы приключенческого жанра? Да и можно ли вообще называть их законами, если мы на одной странице повести можем скакнуть с бастиона крепости Оук-Порта в камеру хранения Витебского вокзала, что на Загородном проспекте Ленинграда (следующая остановка «Технологический институт»)? Из такой невероятной романтики — сразу в обыкновенную прозу, на Витебский вокзал.

А ведь слово Витебск, между прочим, не такая уж и проза. Великий художник Марк Шагал, например, показал нам такой фантастический Витебск, что ни один писатель-приключенец за них не угонится.

Ну, впрочем, это к слову, мы и гнаться за Шагалом не собираемся. Мы входим в зал камеры хранения вслед за сутулым стариком-дачником. Знаете, бывают такие старики-дачники в прорезиненных плащах, поблевавших от старости по швам, в обвисших шляпках из рисовой соломки, с двумя-тремя саженцами в руке и с ведерочком чернозема. Таков и наш старики, эдакий отставной Букашкин, приятель поэта Андрея Вознесенского.

Он направился в серые коридоры автоматических камер, смиро поставил свое ведерочко на кафельный пол возле одной из них, засунул пальчики ввязанную перчатку в диск и тихо набрал дату Грюнвальдской битвы — тысяча четыреста десятый год. Дверь камеры открылась, и старики достал оттуда сундучок. Извините, любезный читатель, за неуместную рифму.

Тут нервы старики малость сдали, и он, воскликнув что-то на неизвестном языке, мягко опустился на пол, откуда и был поднят железной рукой капитана Рикошетникова. Рядом с Рикошетниковым находился его новый друг участковый уполномоченный милиции Бородкин В. П.

«Вот ведь какая штука, — думал Бородкин, — передо мной обыкновенный старики, никакой не чудак, не фантазия. Ни малейших поподознаний к проверке не вызывает. А ведь не подошли бы, не проверили, и улетела бы птичка».

Капитан Рикошетников между тем деликатно и осторожно снял с лица «старики» тончайший пластиковый грим и обнажил сатанински красивое лицо Накамура-Бранчковской.

— Браво, мадам! Ко всем вашим прочим талантам прибавился талант трансформации.

— Я протестую! — слабо сказала уставшая от борьбы за власть женщина. — Протестую против насилия над пенсионером.

— Пройдемте, товарищ, — мягко сказал Бородкин. — Сорри, дорогой товарищ, сюжет не терпит задержек.

Он увел «пенсионера» в соответствующие глубины Витебского вокзала, а капитан Рикошетников с заветным сундучком под мышкой вышел на Загородный и кликнул такси.

Случилось так, что я как раз ехал мимо на своем «жигуленке» и, пользуясь правом старого знакомства, пригласил капитана Рикошетникова в свою машину.

— Вот, — сказал он, похлопывая по сундучку. — Скоро увидим, что там такое.

— Сегодня же и увидим, — сказал я, — Вас давно уже все ждут на улице Рубинштейна.

— Кто это все? — удивился капитан.

— Все герои нашей повести, начиная с Гены Стратофонтова.

— Позвольте, но я только несколько часов назад говорил с ним по телефону. Он еще не мог прилететь Больших Эмпиреев!

— Простите, но это небольшой авторский произвол, — смущенно сказал я. — Мы сейчас переедем с вами из первого эпилога во второй. Садитесь!

Под медной лампой, сделанной из кормового корабельного фонаря, всем нашлось место: и детям переходного возраста, и их сорокалетним родителям, и старшему поколению. Был здесь даже вновь обретший родину и вторую часть своей фамилии Герман Николаевич Фогель-Кукушкин, одетый во вполне приличную серую пару из магазина «Великан».

— Я волниуюсь, малютка, — шептал он Даше Вертопраховой.

Все немного волновались, несмотря на свои стальные нервы. Даже автор малость суетился. Итак, Гена вынул из-за пазухи свою заветную трубочку, сделанную из нежного отростка дерева «сульп» и — подул!

Раздались эти странные звуки, уже дважды описанные в повести, и сундучок спокойно и непринужденно раскрылся. Древними пустынными временами дохнуло изнутри. Все смолкли.

— Гена, доставайте ценности. Это ваше право, — дрожа от волнения, сказал автор.

Ценности оказались культурными!!! Это было письмо прародителя Еона трем его сыновьям: Мису, Маку и Тифя, написанное на клочке древней кожи.

ПИСЬМО ЕОНА

О сыновья благородные, милые дети!
К вам обращается Еон прародитель,
душою смущенный.
Пойман был нами сегодня в капкан
хитроумный
Мамонт ужасный, приплывший сюда издалека.
Дети родные, мы вместе сражались
с жестоким пришельцем,
Мы не дрожали пред пастью его,
что дышала вулканом.
Мис-весельчак,
ты всадил ему дротик под ребра!
Доблестный Мак
укротил его рых преотличнейшей глыбой!
Ловкий Тефя,
подобравшийся сзади, пришипил
Острый ножом его ухо к подножию сульпа.
Мне, смельчаки, вы оставили дело пустое —
Просто добить исполнна любимой мотыгой.
Ныне победу велику
праздновать мы собиралися...
Что ж я ловлю в ваших взглядах
раздора летучие тени?
Шкуру вы стали делить побежденного зверя,
Ввергли вас в ссору лихую простая дежекка.
Мис пожелал себе сделать
из шкуры кафтанов,
Чтобы гулять, поражая вокруг
всех гагар и дюгоней.
Мак вознамерился сделать
из шкуры каноэ,
чтобы к сиренам на Фухс
дебежать побыстрее.
Даже милейший Тефя разгорелся гордыней,
Хочет из шкуры он всей
понаделать игрушек,
С ними в дубравы уйти,
своих обезьян потешая.
Вижу я, Мис-весельчак,
как ты ищешь глазами свой дротик.
Доблестный Мак, ты уж взялся руками
за жуткую глыбу.
Ловкий Тефя, отпусти своих замыслов рой
из красивой головки на волю!
Дети, не ссорьтесь, не хмурьтесь
и шкуру делите по чести!
Дети, мы очень слабы
перед грозной игрою природы!
Если поссоритесь вы меж собою,
будете втрое слабее.
Будущий мамонт, приплыв из косматых
пространств на любимый наш остров,
По одному вас пожрет без труда
и за милую душу.
Вот мой завет, прародителя Еона. Ребята!
Вместе сражайтесь и в мире делите
победную шкуру!
Если же схватитесь вы меж собою
в постыднейшей склоке,
Вам не видать ни сирен, ни макак,
ни дюгоней прелестных!

Сами себя вы погубите

в мрачных сраженьях,
Радостей жизни и юных утех не изведав.

Мир и согласье! — взывают к вам звезды.
Мир и согласье! — вам волны гремят.
Мир и согласье! — это ваш воздух.
Мир и согласье между тремя!

Конечно, культурную ценность этого письма из глубины веков трудно было преувеличить. Никакие «атомные бриллианты», никакие самые невероятные материальные сокровища не стоят даже двух слов призыва к миру, а тут был целый монолог и чай — прародителя Еона!

За столом, среди персонажей, воцарилось ликование. Нет, не зря тонули в океане и подвергались смертельным опасностям — маленькому народу Больших Эмпиреев этот сундучок явно не повредит.

Ликование еще больше усилилось, когда узнали, что Питирим Филимонович вместе со своим ближайшим другом, продавцем модного магазина Дорой Семеновной Клобс привнесли к пиршеству целую огромную кастрюлю с первой порцией только что синтезированной и уже облагороженной смолой «гумчанс» универсальной еды. Все персонажи весьма оживились, а особенно животные, среди которых был и ирландский сеттер Флайнг Ноуз, который не играл в нашей повести никакой роли, а только лишь иногда оживлял картину. Все получили по несколько кругляшков, все попробовали, и всем очень понравилось. Мало того, все нашли, что эта универсальная еда чрезвычайно напоминает какую-то вкусную обыкновенную еду. Тут Питирим Филимонович слегка заволновался. И помрачнел.

— Скажите, а сколько будет стоить ваш продукт? — поинтересовались некоторые из присутствующих.

— 20 копеек килограмм, — ответил Питирим. — Не дороже картошки.

— Эврика! — воскликнули тут дети. — Да ведь это же печеная картошка!

Взрослые смущенно переглянулись; дети были правы — синтезированная за сорок лет универсальная еда в точности напоминала очень вкусную, но обыкновенную печеную картошку.

Дора Семеновна Клобс хлопотливо бросилась к Питириму Филимоновичу.

— Оставьте меня! — рявкнул тот. Он сидел неподвижно, белый как мел.

— Дралиши Питирим! — обратился к нему Юрий Игнатьевич Четверкин от лица всех присутствующих, включая автора. — Ты сделал большое дело! В конце концов мир только выигрывает от того, что в нем будет больше печеной картошки!

Улыбка старого авиатора была так простодушна и заразительна, что и Питирим Филимонович невольно улыбнулся.

Ликование в квартире Стратофонтовых разгорелось с новой силой.

...Мы завершаем наш Второй эпилог маленьким эпизодом.

В разгаре ликования наш главный герой Геннадий тихонько проследовал в ванную комнату. Он хотел убедиться — достаточно ли надежно укрыта вафельными полотенцами его бронзовая копия. Ведь если ее ненароком увидят сестры Вертопраховы, особенно Наташка, не оберешься тогда издевательству.

Он тихо открыл дверь и увидел Наташу, а перед ней самого себя в бронзовом варианте. Все полотенца были удалены и валялись на полу. Наташа что-то сердито говорила скульптуре, как будто отчитывая его самого, Гену Стратофонтова, предупреждала скульптуру

Эпилог III

Теперь, когда все так благополучно разрешилось, нас могут спросить: все ли персонажи пристроены и не брошен ли нами на произвол судьбы злополучный Сиракузерс.

Ну, акула мясного бизнеса, ну, воротила фондовой биржи, но ведь оставили-то мы его

поднятым пальцем и даже топала ножкой, а потом приблизилась и поцеловала ее в бронзовую щеку.

Гена неслышно прикрыл дверь, прошел по полутемному коридору, подпрыгнул к потолку и повис, ухватившись за крыльышко маленького купидона. Там уже висел его сверстник, одноклассник и наперсник детских игр Валентин Брюквин.

— Давно висишь? — спросил его Гена.

— Минут пять, — ответил Валентин.

— Ох, ломает, ломает нас переходный возраст, — проговорил Гена.

— Ноу комментс, — заключил Брюквин.

привязанным к пальме крепкими бандитскими ремнями, а это все-таки не совсем гуманно.

Любезный гуманный читатель, успокойтесь — воротила отвязан. На острове Фео давно уже создан филиал фирмы «Интермиллионер-сервис», который приглядывает за акулой.

Акула же все забыл, ничего не помнит, никакого острова вокруг не осознает, весь день он бродит среди своих «реликтов памяти», плачет и смеется, вспоминая бандитскую юность и коммерческую зрелость, а вечерами просит привязать его к полюбившейся пальме, что охотно выполняют мирные служащие И-М-С Пабст и Грумло.

Повесть В. Аксенова «Сундучок, в котором что-то стучит»
была впервые напечатана в журнале «Костер»
(Ленинград) в №№ 1 (Гл. I – III), 2 (Гл. IV – V),
3 (Гл. V – VII) и 4 (Гл. VII – Эпилог III) за 1975 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.